

Торпедой – пли!

Автор:

Петр Заспа

Торпедой – пли!

Петр Заспа

Торпедой – пли! #1

Наше время. Гордость Северного флота, российская атомная подводная лодка «Дмитрий Новгородский» уходит в поход – на дежурство в среднюю Атлантику. Поход как поход, если бы не присутствие на борту военспеца с хитрой аппаратурой. Высшее командование распорядилось провести в море некий секретный эксперимент. И провели...

Холодное лето 1942 года, в разгаре Вторая мировая. Назад никак не вернешься. К какому берегу не пристань – везде чужие. Главное, и свои, советские, церемониться с экипажем не станут. И атомный подводный крейсер «Дмитрий Новгородский» невольно становится эдаким «Наутилусом», бесприютным морским скитальцем.

Но трудно остаться безучастным, когда рядом воют и гибнут твои деды и прадеды. И вот-вот поблизости прозвучит реквием каравану PQ-17. Экипаж принимает решение начать боевые действия против фашистских гадов. Атомный реактор, обеспечивающий практически неограниченную дальность плавания и полную автономность, отличное акустическое оборудование, реактивные торпедоракеты «Водопад», новейший ПЗРК, – все это делает «Дмитрия Новгородского» грозным оружием в борьбе с флотом Третьего Рейха. Подводный крейсер начинает новый боевой поход. Вернее, продолжает начатый...

Петр Заспа

Торпедой – пли!

Посвящаю эту книгу советским и российским подводникам и склоняю голову перед их мужеством! Как хочется верить, что те, чье сердце остановилось на боевом посту, не ушли от нас, а всего лишь продолжают исполнять свой долг где-нибудь в совсем другом времени или измерении.

Глава первая

Соленая прелюдия с ароматом спирта

Построившиеся в две шеренги члены экипажа атомной подводной лодки, подняв воротники, жались друг к дружке, подставив ветру спины. Май на Севере – это не цветущие белым цветом вишни и жужжащие, отогревшиеся после зимы пчелы, а всего лишь слабая прелюдия к короткому и холодному лету. Со снегом на сопках и включенным до июня отоплением. Здесь и в июле может выпасть снег, покрыв согнувшуюся от такого предательства траву.

Позади короткого плаца, навалившись на причал и раздавив развешанные вдоль для амортизации автомобильные покрышки, стояла черной зализанной глыбой их лодка.

Командир Дмитрий Николаевич Журба, насупившись, наблюдал, как, затянув время, старший помощник выравнивает носки ботинок передней шеренги. Наконец колебания строя затухли, старпом отбежал в начало строя и, приложив руку к фуражке, перешел на строевой шаг и ринулся навстречу командиру.

– Товарищ капитан второго ранга, экипаж по вашему приказанию построен! Доложил капитан третьего ранга Долгов!

– Все?

– Так точно!

– Уверен?

– Доложили, что все, – замялся, почувствовав подвох в вопросе командира, старпом.

– А это марсиане?

Командир саркастически ухмыльнулся, кивнув на выглядывающие из-за угла ближайшей пятиэтажки две головы в черных фуражках. Старпом смачно матюгнулся, узнав лица молодых лейтенантов из их экипажа.

– Ах вы, спящие бандерлоги! А ну бегом сюда! – мягко пожурил он молодое поколение. – Я вам сейчас вставлю заряд бодрости!

Но когда лейтенанты поняли, что разоблачены, и несмело вышли из-за угла, у старпома отпала челюсть. Вдоль строя прокатилось заразительное лошадиное ржание. И было от чего.

Под руки лейтенанты тащили периодически брыкающегося в попытке встать на ноги доктора экипажа, старшего лейтенанта Артема Петрова. Фуражку доктора они держали в руках, а чтобы как-то прикрыть поток душевных излияний, громогласно разносившихся на весь гарнизон, ему заткнули рот его же галстуком, свернутым в аккуратный рулончик. Взгляд Артема бешено метался вокруг в тщетной попытке определить, где он находится. По его щекам в пять ручьев текли обильные слезы. Лейтенанты напряглись и, стараясь хотя бы приблизительно придать доктору вертикальное положение, вывели его перед строем. Но тут Артем наконец справился с галстуком и, смутно разглядев перед собой командира, заголосил басом, как наемная плакальщица на поминках:

– Я же ее люби-и-ил! У меня же любо-о-овь!

– Так! – брезгливо скривившись и оглядевшись в поисках нежелательных свидетелей, произнес командир. – Кантуйте это тело на наш круизный лайнер. Да побыстрее. А я с ним в море разберусь!

Дмитрий Николаевич настороженно оглянулся: сейчас должен был приехать командир дивизии. А происшествие с доктором – дело, хотя и неприятное, но

внутриэкипажное, считай, семейное, и знать о нем комдиву совсем не обязательно.

Доктора поволокли к трапу, перекинутому на борт лодки, с натянутым с двух сторон брезентом с надписью – «Дмитрий Новгородский». Пересчитав носками полированных докторских туфель каждую ступеньку, они скрылись в рубке. И вовремя. На причал выкатился уазик комдива.

– Становись! – выкрикнул командир. – Равняйся! Смирно!

Из уазика выбрался командир дивизии, контрадмирал с милейшей для флотоводца фамилией – Любимый. Следом за ним показался седой старичок в режущем здесь глаз гражданском пальто и шляпе.

«Очередной спец или какой-нибудь доработчик», – подумал Дмитрий Николаевич. В этом как раз ничего необычного не было. На любом корабле или лодке флота их в избытке. Откомандированные от своих заводов, институтов, бюро, как вечные придатки к рожденной в их недрах аппаратуре или механике, доработчики всегда были рядом. К ним привыкают и уже не обращают внимания на слоняющихся по кораблю, как призрачные тени, людей в гражданских рубашках.

Старичок в шляпе замер у машины и со стороны наблюдал за принимающим доклад от командира лодки адмиралом. Ему частенько приходилось работать с военными, и он был в курсе, что когда они играют в собачьи игры на тему «кто кому больше чести отдаст», именуемые воинским ритуалом, то к ним лучше не соваться. Наиграются, вспомнят и о нем.

– Как обстановка, Дима? – спросил у командира контр-дмирал Любимый.

– Позволяет, товарищ комдив.

Александр Сергеевич Любимый был неплохой комдив. В меру боявшийся высшее начальство, потому что, как и все, мечтал о достойных проводах на пенсию и квартире в средней полосе, но и с пониманием относившийся к подчиненным. А потому среди командиров лодок пользовался уважением.

– Это хорошо, что позволяет, – задумчиво произнес он, глядя вдоль строя. – Ты вот что, экипаж распусти, а мы с тобой поговорим здесь.

Адмирал вспомнил о своем спутнике и, обернувшись, крикнул:

– Михаил Иванович! Вы проходите на лодку! Вас там разместят.

Ого! – подумал командир. – Это же надо, по имени-отчеству! Много чести для простого доработчика.

– Дима, ты отправь пару моряков в мою машину, надо ящики забрать. Но скажи, чтоб аккуратнее, а то там аппаратура хрупкая.

Это уже становилось интересным. Комдив обхаживает спеца, еще и явившегося со своим барахлом, будто какого-нибудь москвича, прибывшего из штаба флота для проверки. Командир еще раз покосился на гражданского. Старый очень. Обычно с заводов присылают инженеров помоложе. Хотя видно, что пытается молодиться, – кашемировое пальто, пестрый шарф на шее.

– Тебе, командир, выпала карта темная, – издалека начал адмирал. – Может, и козырная, а может, и пустышка.

Тут уж у Дмитрия Николаевича и вовсе мысли разбежались по щелям да закоулкам. На контрольном выходе, на многочисленных инструктажах и намека не было на что-нибудь необычное или темное. Поход как поход. Даже до полной автономки не дотягивал. Всего-то каких-то два месяца. И задача не такая уж и сложная. Следить за американцами, проводящими ученье в Бискайском заливе. Не впервой уж, да и не в последний раз, наверное.

Вдруг, спохватившись, комдив хитро подмигнул и добавил:

– Я тебе информацию одну солью, но никому не хвастайся. Командующий сюрпризы любит. Ты знай, но изумление изобрази, когда тебе по возвращении вместе с жареным поросенком капризовские погоны вручат.

– Товарищ комдив, рано мне еще.

– Знаю. Сколько тебе не хватает? Месяца три?

– Пять.

– Командующий уже указание кадровикам дал, чтобы приказ готовили. Так что готовь поляну.

Командир наморщил лоб, лихорадочно соображая: что бы все это могло значить и чего это стоит? Но молчал и терпеливо ждал, когда командир дивизии сам изволит объясниться.

– Ну, а теперь о главном, – адмирал наконец-то перешел к делу. – Будем, Дима, пробовать по-новому прорываться через Проливную.

Дмитрий Николаевич в изумлении остановился и уставился на комдива, будто перед ним стоял не контрадмирал Любимый, а фонарный столб. Чего тут можно нового придумать? Десятилетиями ничего не менялось. Как по старинке прорывались, так и сейчас прорвемся!

Проливная зона всегда была головной болью и камнем преткновения сначала для советских подводников, а затем и российских. Еще в ту пору, когда лодки приобрели атомную энергетическую установку и на их спину взвалили ядерные ракеты, превратив их в полноценные подводные лодки, а не кратковременно ныряющие, мир оценил их опасность. Можно было позволить себе знать приблизительно, сколько у вероятного противника самолетов или танков, и где они в настоящий момент находятся, но подводных лодок это не касалось. Здесь требовалась точность. В генеральном штабе любого уважающего себя государства всегда знали, сколько у соседа лодок, где находится каждая из них, степень ее готовности к выходу в море. А зачастую и фамилии командиров с краткими характеристиками: мол, какой он, на что способен, его слабые и сильные стороны. И метались по странам полчища шпионов, а в небе самолеты-разведчики с одной целью – сфотографировать, узнать, отследить, напоить какого-нибудь матроса в бескозырке подводника и среди пьяного трепача выделить хоть крупицу ценной информации. Тяжело, но получалось. Потом появились спутники-шпионы и стало легче. Но бывало и такое: где-нибудь в разведотделе, склонившись над свежими снимками какой-нибудь базы, вооружившись лупами, дешифровщики считают лежащие у причалов тушки – и вдруг! О, ужас! Одной не хватает! И опять рискуют разведчики. Хорошо, если

выясняется, что ночью ее перетащили на ремонтный завод по соседству и спрятана она в крытом доке. А если нет? Тогда начинается паника. Где? Зачем? Что задумала? Люди в погонах хватаются за сердце, пьют валидол. И тогда назрел вопрос: как следить за лодками постоянно? В авиации появились многочисленные виды противолодочных самолетов, а также подводные лодки, предназначенные для слежки за другими лодками, на просторы океана вышли научно-исследовательские суда, половина экипажа которых имела очень смутное представление о науке, но прекрасно могла различить шумы атомохода или бульканье винтов дизельной. В одно время, увлекшись гонкой вооружений, Советы опередили остальных в строительстве таких дорогих и опасных подводных игрушек. И, естественно, привлекли к себе тщательное внимание остальных. А особый интерес вызывал Северный флот. Как самый крупный, мощный и отхвативший больше остальных подводных лодок. И творили они на просторах Атлантики все, что хотели. Когда хотели приходили, когда хотели уходили. Фотографировали через перископы пляжи Флориды, перевозили на Кубу ракеты. И никто их не видел. Вот тогда в одной из многих светлых голов, обеспечивающих идеями блок НАТО, родилась мысль – а не перегородить ли Атлантику? Сказано – сделано. Так возникла Проливная зона или Фареро-Исландский рубеж. От Гренландии до Исландии, дальше через Фарерские острова и до материка проложили по дну кабель, от которого, как частокол, встали стационарные буи. И теперь для подводников наступили грустные времена. Незамеченным уже не выскочишь. Проходит лодка линию Проливной зоны, а буй ее слышит и передает сигнал тревоги на центральный пост. Ну, а тут уж дело техники. Какой буй сработал? Сто тридцать пятый? Все туда! И вцепятся в родимую железной хваткой, сразу сведя все ее старания на нет. Потому что главное оружие лодки – это скрытность. А еще могут в издевку по гидросвязи поздравление командиру лодки отправить с днем рождения или Первомаем. Теперь наморщила лбы другая сторона. Как обеспечить незамеченным проход лодки? И ответ нашли. С русской прямолинейностью и сообразительностью. Дешево и сердито. Просто, как предложение вывести вагон щебенки на орбиту и превратить всю программу американцев по созданию системы ПРО в кучу дорогостоящего хлама. Перед тем, как атомоход готовился проскочить сквозь ворота на юг, в районе кабеля появлялась диверсионная малютка, приплывшая в утробе лодки-матки, и беспардонно резала или рубила кабель. Пока разбирались, что случилось, пока ремонтировали да по новой настраивали, наш атомоход уходил незамеченным. Но вечно так продолжаться не могло. Получилось раз, получилось другой, год, два. Но и на той стороне быстро разобрались, что да к чему. И от чего вдруг так часто неполадки случаются на линии. Теперь пошла обратная реакция. Потухли буи – значит, русские лезут. Не знаем точно, в каком месте? Тоже поправимо. Важен сам факт.

Навалятся все дружно и обязательно найдут. Подводная лодка в Атлантике – это, к сожалению, не иголка в стоге сена. Неделя упорной работы – и вот она, как на блюде. Сначала и над этим ломали головы, но затем в пылу перестроечных вихрей напряженность спала, а с ней и актуальность боевых дежурств. Выходы подводных лодок в океан стали редкостью. Ребусы военных перестали интересовать власть имущих. Им коротко и ясно объяснили – проблемы туземцев вождей не колышут. Выгребайте сами как хотите. И редкие выходы выполняли по старинке: рубили, резали, ломали. А другой раз даже и этого не делали. Слышат? Да и черт с ними, пусть слушают!

И вот теперь комдив говорит – по-новому! Какой по-новому, если уже и по-старому забыли, как делать!

Дмитрий Николаевич изобразил на лице такое изумление, что комдив счел за нужное привести его в чувство:

– Дима, жерло прикрой. Сам не сразу поверил. Может, выгребаем потихоньку, да опять о нас вспомнят? В принципе, я вник. Дело вроде не хитрое. А ты будешь первопроходцем.

– Товарищ комдив, а в чем суть-то?

– Тот яйцеголовый, которого я привез, – ты с ним поаккуратней, все-таки профессор. Это его детище. Обещает, что пока ты будешь идти через рубеж, ни один буй не сработает. На тебя будут работать две малютки и сухогруз. На них тоже его аппаратура. В общем, они в разнесенных точках будут генерировать поля, что-то вроде тоннеля. От тебя многого не надо. Главное – точно занять свое место и выдержать время. Затем аккуратно удерживать курс, и ты на той стороне. Всю дополнительную информацию еще не раз по сверхдлинной связи получишь.

Дмитрий Николаевич в пол-уха выслушал напутственное слово и пожелания счастливого возвращения, забыв по-военному попрощаться с начальником, и, озадаченный, побрел на лодку. Роль подопытного кролика не слишком радовала. Но и капризов за так досрочно не дают. Изволь – отрабатывай. Затем он занял свое место на ходовом мостике рубки, и все терзания уплыли на второй план. Прибежали три буксира и, вцепившись в лодку, как жуки-падальщики в тушу дохлого бегемота, потащили ее от причала. Поход начался. Теперь время

потечет иначе. На лодке в корне меняется уклад жизни, сутки делятся на вахты, день и ночь теряют свой смысл.

На берегу редкие родственники, пришедшие проводить моряков, выглядывали из-за забора, ограждающего причал, и размахивали поднятыми вверх руками.

«Лица Западной Лицы», – вспомнил командир строку из популярной в гарнизоне песни, написанной местным самородком. Буксиры вытащили их на середину залива и, справедливо посчитав свою миссию выполненной, исчезли. Дальше сами. Рядом с командиром суетился штурман, снимая пеленги по светящимся на берегу вешкам. Залив остался позади, и они вышли в море. Справа отвесными берегами показался остров Кильдин, слева – полуостров Рыбачий. Воздух привычно наполнился солью. Ее вкус чувствовался на языке, а скоро она начнет разъедать глаза и откладываться белыми полосами на ботинках. Дмитрий Николаевич вновь вспомнил о предстоящем задании, но его неожиданно перебили.

– Прошу добро, командир!

В шахте, на трапе, ведущем вниз, показалась блестящая голова замполита Сан Саныча. Дмитрий Николаевич напрягся. Если замполит внепланово о себе напомнил, то это одно из двух: или кто-то из матросов начистил друг другу физиономию, или затевается какая-нибудь хрень, вроде посвящения молодых матросов в подводники. Что, впрочем, тоже ничем хорошим не заканчивается. Он замер, чувствуя, как сердце немного участило свои трепыхания.

– Командир, я хотел поговорить о нашем докторе.

Теперь сердце ухнуло вниз. Воображение мгновенно нарисовало одну картину страшнее другой. Самая безобидная – доктор от избытка любовных чувств не справился с желудком и заблевал проход напротив медблока. Самая страшная – место действия то же, но теперь док повесился на резиновом шланге от клизмы.

– Ну? – не выдержав затянувшейся паузы, мрачно спросил командир.

Сан Саныч замялся, соображая, с чего начать.

– Ему очень нужно позвонить. Говорит, вопрос жизни. Добро ему подняться наверх?

Командир облегченно выдохнул.

– А чего это ты за него так переживаешь?

– Ну очень просится!

– И все?

– Командир, ну ты же знаешь: доктор – это святая корова. А мы ведь с тобой не из железа. У меня вон спину все чаще прихватывает. Хочу, когда все успокоится, к нему обратиться. Он, конечно, и так не откажет. Но если будет чувствовать, что должен, то уж, наверное, расстарается. Он у нас хоть и баламут, но паренек с головой.

Командир криво ухмыльнулся:

– Давай своего паренька.

– Док, давай наверх! – обрадовавшись, крикнул в люк Сан Саныч.

Занявший внизу выжидательную позицию, Артем мгновенно вскарабкался на ходовой мостик.

– Спасибо, товарищ командир. Спасибо, – заглядывая в глаза с видом побитой собаки, произнес доктор.

– Одна минута тебе.

– Да, да! Мне хватит.

Быстро он очухался, – подумал командир. – Может, медиков учат, как трезветь по ускоренному методу?

На него пахнуло запахом мятной жвачки.

Артем достал мобильный телефон и радостно выкрикнул:

– Ого! Еще целых две единички!

Сотовая связь вдоль побережья и так не радовала своей устойчивостью, а если сделать хотя бы шаг в море, то пропадала она еще при отличной видимости берега. Как было выверено не раз, если хочешь послать последнее «прощай», то сделать это нужно до траверза мыса Баргоутного на Рыбачьем. А дальше – космическая пустота.

Артем судорожно принялся искать в памяти телефона нужный номер. В глазах запестрило от женских имен. Память упорно не хотела подсказать лицо вчерашней пассии, но он точно помнил, что звали ее Марина. На букву «М» значилось: «Марина один», «Марина два». Так – наверняка третья. Артем уверенно нажал кнопку вызова.

– Привет, котик! А я уже в море.

В ответ динамик взорвался низким гулом завывающего от голода кашалота. Доктор, скривившись, отодвинул телефон от уха. Но постепенно, по мере того, как до него стал доходить смысл криков на противоположной стороне, лицо его стало вытягиваться.

– Стринги? – вдруг недоуменно переспросил он. – А ты уверена, что это не твои стринги?

Командир с замполитом переглянулись и расплылись в ехидных улыбках. Артем стойко продолжал отбиваться:

– Ну, если они не твои, то значит мои! Ну и что, что женские. Я доктор! Мало ли, что мне в голову взбредет!

Командир, штурман и замполит заревели, как добравшиеся до пастбища ослы. Но Артем не обращал на них внимания, потому что ему вдруг сказали такое, что у него почернело лицо. Он злобно прошипел:

– Ах ты, ведьма! Попробуй только! Да я тебя на органы разберу!

Но, очевидно, на том конце не пожелали дальше слушать Артема и отключились.

Он жалобно посмотрел на командира и заблажил:

– Еще одну минутку!

– Давай! – согласился Дмитрий Николаевич, ему самому стало интересно, чем закончится этот разговор.

Теперь Артем звонил дежурной в общежитие.

– Клавдия Ивановна, это вы?! Это Артем Петров!

Но, похоже, и там ему были не рады, и он зажмурился, выслушивая обвинения в свой адрес.

– Не мог я этого сделать! Ах, вы сами видели? Клавдия Ивановна, клянусь, как только вернусь, я все уберу!

Кое-как умудрившись прервать поток обвинений, Артем запел елеиным голосом:

– Клавдия Ивановна, вы же знаете, как я всегда к вам относился. У вас, кажется, радикулит? Ах, ревматизм? Считайте, что его уже у вас нет! Клавдия Ивановна! Голубушка! Сделайте только для меня доброе дело! Ко мне в комнату пробралась ведьма и угрожает уничтожить мою музыку. Так вы ее выгоните, и как можно быстрее. Поторопитесь, Клавдия Ивановна, и я продлю вам жизнь еще на сто лет!

Артем удовлетворенно выдохнул – теперь можно было надеяться, что аппаратуру он спас.

– Где ты ее нашел? – любопытствовал, не желая отпускать так сразу доктора, командир.

А полюбопытствовал потому, что знал: в гарнизоне давно известна репутация Артема и любая девушка, даже обладающая данными ниже среднего, не рискнет подойти к нему на пушечный выстрел. В противном случае сердобольный отец выдернет ей ноги, какими бы ни были мощными родительские чувства к любимому чаду. В отдаленных гарнизонах все же умудрялись еще держать детей в ежовых рукавицах.

– Не помню, – напрягая мозжечок, ответил Артем. – Я вчера в Мурманске был.

– Погоди! А как же ты ее провез в закрытый гарнизон?

Артем неопределенно пожал плечами. Этот момент он тем более не смог бы вспомнить.

– Как обычно, наверное. В багажнике такси, или презентовал морякам на КПП блок сигарет.

– Да... – протянул командир. – Жизнь бьет ключом и все ниже пояса. Может, тебе жениться?

– Вот и эта ведьма из Мурманска говорит, что я ей обещал утром расписаться. Но не мог я, товарищ командир, ей такого ляпнуть, даже под самым глубоким анабиозом. Теперь угрожает разнести всю мою музыку. А у меня «Пионер»! Я за него три штуки баксов отдал.

Командир задумался:

– Послушай, док. А как же она теперь назад в город выберется?

– На метле! – уверенно ответил доктор и нырнул в люк.

Артема все еще мутило после вчерашнего, и он мечтал скорее добраться до койки. Каюта была в корме, в седьмом отсеке. И чтобы добраться до нее, нужно было пройти через всю лодку, то и дело ныряя в люки переборок. На время утратив рефлексии подводника, Артем гулко прикладывался лбом, проверяя на твердость ребра жесткости из особо прочной стали. Наконец он распахнул дверь каюты, очень похожей на купе в поезде. С той лишь разницей, что в ней не было

окна с мелькающими огнями станций. Но это место не пустовало. На стене висел вырезанный из фанеры контур телевизора. С особой тщательностью были прорисованы ручки управления, лампочки и логотип фирмы «Сони». На экране синими мазками метались волны. Очевидно, художник пытался изобразить шторм. Рядом, прижатый магнитом, висел лист с программой телепередач. Отпечатанная на принтере надпись гласила: «Не дергай пульт, с 0 до 24 по всем каналам кино про море». Каюту Артем делил с капитан-лейтенантом Максимом Зайцевым. Максим был командиром боевой части семь. Части, отвечающей за надежную работу радиолокационных и гидроакустических щупалец лодки. Отвечающей за все то, чем лодка видит, слышит и ощущает. Максим находился еще на месте. Скоро он исчезнет среди жужжащих блоков, и увидеть его еще раз будет очень проблематично. Командир БЧ-7 может покинуть свое ведомство лишь для того, чтобы по-быстрому сбегать на камбуз или в галюн. Спит он урывками, минут по двадцать, навалившись в углу на один из своих теплых блоков, пока на экране не появится белое пятно очередной цели и все не начнется сначала: определение параметров, доклады, слежение.

Артем, обрадовавшись, что застал соседа в каюте, поспешил похвастаться:

– Макс, глянь, я на днях мобилу отхватил. Супер! Шестнадцать гигов памяти.

Он с гордостью протянул Максиму телефон с большим зеленым экраном. Тот сразу проявил живой интерес. Его всегда интересовало все то, что позволяло внутри себя бегать электрическим током, имело блоки питания или хотя бы болтающиеся из коробки провода.

– Я на него всю свою музыку закачал. Хочешь послушать?

И, не дожидаясь согласия, Артем воткнул ему в уши наушники.

– Сейчас, сейчас! Я тебе мой любимый «Сквилер» поставлю. Слушай! Вот сейчас вступит ударник. Это сам Майк Тирана!

Максим, стоически выдержав целую минуту, снял наушники и с задумчивым видом сказал:

– Я всегда удивлялся, как у тебя от этого рева башню не сносит? Может, вам как докторам в уши перепонки из титана вставляют?

– Дай сюда, умник.

Артем обиженно отобрал наушники.

– Много ты понимаешь в металле! Пытаюсь-пытаюсь тебя приобщить к прекрасному, а ты – как дерево.

Артем боготворил тяжелую музыку. Он ставил ее впереди даже самых симпатичных девушек. Но, на беду, из сотни человек экипажа у него не было ни одного единомышленника. И это его очень огорчало. Надеялся перетащить на свою сторону Максима, но пока безрезультатно.

Рухнув на койку, Артем задумался: что бы еще сказать обидного в ухмыляющуюся напротив физиономию.

Вообще, выпускники Военно-Морского института радиоэлектроники как особая прослойка флотских офицеров вызывали у него по меньшей мере удивление. Птенцы именуемой в народе Поповки, эти люди были не от мира сего. Артем не сомневался: набрось им на пальцы провода, и с них можно будет снимать напряжение. И отбор при поступлении там совсем не такой, как в другие военные институты. А выглядит это примерно так: заходит абитуриент на экзамены, а ему сразу с порога – а ну-ка, выверни карманы! Есть паяльник, или хотя бы банка с канифолью – проходи, ты наш! Нет? Шагай дальше, ты чужой в царстве микросхем и диодов. Но Максим выделялся даже среди этого стада любителей погонять по проводам электроны. Окончив институт с красным дипломом, он получил право выбора распределения места службы. Мог бы остаться в Питере, где-нибудь в ведомственном НИИ. Максим удивил всех. Сначала выбрал Северный флот, а затем подводную лодку.

«Тут одно из двух, – размышлял над этим вопросом Артем. – Или перед нами золотое дарование, на которое все должны молиться. Или законченный идиот, с которым и в каюте находиться опасно».

Поворочавшись на койке, Артем уже хотел дать отдых своему истрепанному за последние дни организму, как вдруг в дверь поскребли, и появился начпрод Миша Хомин. Невысокий, кругленький, с вечно потным носом, Миша всегда светился, как начищенная бляха молодого матроса. Казалось, что своей

жизнерадостностью он способен разогнать даже хмурые дождевые тучи. В руках он держал несколько литровых пачек сока.

– Привет, мужики! Угощайтесь! Гы-гы!

Артем гостю обрадовался. Во-первых, сок был очень кстати для поправки здоровья. А во-вторых, поддерживать отношения с начальником продовольственной службы всегда важно, потому что тогда тебе никакая автономка не страшна. Мишу Артем уважал. Начпрод лицо материально-ответственное, а потому вполне материальное. Это не бесплотный дух какого-нибудь трюмного или механика, неизвестно чем способного быть полезным. Начпрод, он и в Африке начпрод. Но и доктор – это не кочерыжка обглоданная! А потому уважение было взаимным.

– Тема, мне бы продезинфицироваться, – оглядывая полки в поисках нужного сосуда, сказал Миша.

Артем с достоинством открыл ящик с красным крестом и достал градуированную бутылку, закупоренную резиновой пробкой. Когда-то на ней была надпись – яд! Но затем страшное слово заретушировали маркером, и появилось другое – «Бальзам для души». На столе появился пластиковый стакан, тоже с делениями. Артем плеснул по цифру «сто», затем критически посмотрел на выпирающий Мишин живот и, провернув в уме сложное вычисление необходимых промилле на единицу веса, добавил еще двадцать миллиграмм.

– Разбавить?

– Не порть.

– Фу-у-у...

Артему в нос ударил запах спирта, и он скривился, будто от надкушенного лимона, почувствовав, как на руках встали дыбом волосы. Если случалось перестараться с приемом алкоголя, то он с неделю не мог на него даже смотреть.

– Аромат! – возразил Миша, взяв в руку стаканчик, и оценивающее посмотрел на свет. – Ну, будем, мужики! Гы-гы!

И залпом влил в себя содержимое. Затем, выпучив глаза и хватая воздух ртом подобно выброшенной на сушу камбале, он вырвал из рук Артема пачку сока и присосался к ней, проливая на рубашку. Отдышавшись и смахнув наворачнувшиеся слезы, Миша погрузил руки в карман и выудил три банки консервированной красной рыбы.

«Мише что-то надо», – мелькнула догадка у Артема.

– Я видел, ты вчера неплохо погулял?

– Видел? – насторожился Артем.

– Да. Я вчера прогуливался со своей среди наших трех сосен, а ты мне из окна размахивал флагом.

– Морским? – пытаюсь хоть что-то припомнить, спросил Артем.

– Не... каким-то черным.

Единственным черным флагом мог быть коврик у двери, его Артем вырезал из куска шинельного сукна. Главное предназначение коврика было – внести хоть каплю уюта в холостяцкую берлогу, где всего-то чего и было – разохшийся шкаф, кровать без ножек и стройная гора музыкальной аппаратуры с колонками, способными не посрамить хороший концертный зал.

– А подруга твоя чего вытворяла! – восхищенно зацокал языком Миша.

– Она сначала была в простыню замотана, а когда ты начал флагом размахивать, она тоже принялась нам этой простынею из окна семафорить. Я чуть под лавку не упал. Моя меня еле утащила.

– И как она?

– Слушай, супер!

– Да? – удивленно поднял брови Артем.

«Может, зря я поторопился ее выставить, – подумал он. – Возможно, надо было аккуратно перевести в резерв». Но потом возникли сомнения – измученному семейной жизнью Мише и полковая лошадь будет – супер.

– Ну ладно, мужики, респект вам. Пойду я. Еще надо продукты на камбуз выдать, – сказал, но не сдвинулся с места Миша. Артем удивленно посмотрел, как он переминается у порога, и заметил:

– Ты знаешь, я ее с собой не прихватил.

– Тема, ты это... – Миша, наконец, решился: – Как вернемся, я свою с дочкой на юг отправлю к родителям, так ты чтоб меня по всем своим явкам протащил!

– Заметано.

Довольный Миша наконец ушел.

Начпрод – хорошая должность. И старший лейтенант Миша Хомин ее ценил. Поворовывал без фанатизма, с кем надо делился и был на хорошем счету у начальства. Но не хватало ему адреналина. Так, чтобы расслабиться на полную катушку. Так, чтобы утром похвастаться мужикам в курилке – ох, и погудели мы вчера! В какой канаве спал – не помню! Но вокруг него всегда была тишь и благодать, как в болоте. И, как мог, Миша пытался брыкаться.

Максим ушел, и Артем наконец-то добрался до подушки. Уснул он мгновенно. И снились ему вполне медицинские сны. Будто со скальпелем наголо он отбивается от нападающих мазохисток в коже, цепях и с кнутами толщиной в руку. А самая наглая среди них была Марина номер три. Ее он узнал, потому что она держала табличку с тройкой, как у девиц, обозначающих, какой начнется раунд в боксе. Непонятно было только, почему у нее усы, на голове эсэсовская фуражка, а на шее болтается «шмайсер».

Глава вторая

Перейти Рубикон

Подводные лодки не плавают, лодки ходят. Как и боевые корабли. Спросите военного моряка: куда он плавал, и вы рискуете нарваться на красочное объяснение насчет того, что плавает только то, что плещется в гальюне. Но ходят лодки своей хитрой походкой. Выйдет, скажем, атомоход на дежурство в Среднюю Атлантику. Но никогда не сделает это прямолинейно и понятно. Сначала нужно похитрить. Покинула лодка уютную базу на Кольском полуострове, и так, чтобы все ее видели, на глубине метров тридцать демонстративно следует куда-нибудь на северо-запад. Видят ее спутники, ведут корабли и авиация. Аналитики в натовских штабах просчитывают курс и ломают голову: за каким дьяволом она подалась туда, где кроме айсбергов и нет ничего? Но она вдруг меняет курс на строго западный и уходит на глубину уже метров сто пятьдесят. Следить труднее, но еще возможно. Рыщут корабли гидроакустического наблюдения, рассыпает по океану авиация противолодочные буи. А аналитики вновь ломают голову: что она потеряла у берегов Гренландии? А чтобы лучше поверили в легенду, могут послать в район лодки подыграть какой-нибудь гидрограф или эсминец. И сам собой напрашивается вывод – русские проводят какие-нибудь учения или проверяют взаимодействие работы подводной лодки и надводных кораблей. Да мало ли еще чего. Но дальше игры в поддавки кончаются. Потому что дальше лодка уходит на предельные четыреста метров и самым тихим ходом, взяв курс на юг, идет в район боевого дежурства.

Дмитрий Николаевич, нахохлившись, сидел в командирском кресле в центральном посту. Только что по каналу сверхдлинной связи поступило указание: прямым ходом, без всяких запутывающих выкрутасов, следовать в точку встречи со вспомогательными силами у Проливной зоны. Это означало одно из двух: американцы вот-вот начнут учения, и он рискует опоздать, или командованию не терпится поскорее посмотреть на результаты эксперимента. Он как командир всегда старался представлять общую картину в динамике, а не вырванную из контекста только свою лодку. Вот сейчас где-то в районе Новой земли накручивает галсы Ту-142 «Орел». Выпустив восьмикилометровую трос-антенну, он передает в сверхдлинном диапазоне ему на борт информацию из главного штаба. Открытие особенности сверхдлинных волн проникать под воду оказалось для подводников царским подарком. Где-то там, у рубежа, затаилась лодка с малютками на борту, а над ней, изображая, наверное, какую-нибудь поломку, застыл сухогруз. Теперь все ждут только его. Вроде бы все понятно, но

не давало успокоиться хорошо развитое у всех моряков так называемое жопное чувство. Матросу оно помогало вовремя почуять за углом дома патруль. Офицеру – приближение начальства. А опытный командир еще за месяц мог почувствовать комиссию из Москвы и, найдя кучу причин, свалив все на старшего помощника, рвануть в отпуск. И желательно на такую дистанцию, чтобы при всем желании достать его не было никакой возможности. Дмитрий Николаевич был опытный командир. И ему никак не давало успокоиться это пресловутое чувство. Настроение портилось, а на душе скребли кошки. Но больше всего раздражало то, что он никак не мог понять – откуда у его тревоги растут ноги! В лодке он был уверен. 671-й проект – это старый надежный конь, которому можно всецело доверить собственную жизнь. За тридцать лет существования этих лодок – ни одной аварии или серьезной поломки. Да, у них на горбу не было чемодана с ядерными ракетами, но этот постоянно совершенствующийся проект стал прекрасным охотником на любителей побряцать атомными мускулами. В мире океана лишь одно существо может позволить себе охотиться на кого угодно. Не разбирая, хищник перед ним или беззащитное создание из низшей пищевой цепочки. Это касатка. Разрывая надвое белую акулу, она не раздумывает, сколько рядов зубов у ее жертвы, какой они длины или насколько остры. Во всю длину рубки «Дмитрия Новгородского» красовалась касатка с ослепительно белыми боками, перекусывающая американский атомоход. Нет, Дмитрий Николаевич даже мысли не мог допустить, что с его лодкой что-то может произойти. Он ей верил, и даже больше: он ее любил, без громкого пафоса и не кривя душой. Так откуда же взялось это гаденькое чувство тревоги, пробравшееся под командирскую фуражку? Дмитрий Николаевич оглянулся в поисках жертвы. Ночной горшок дурного настроения требовалось вылить на чью-нибудь голову. Рядом, вжавшись в кресло и вцепившись в рукоятки управления рулями, сидел боцман. Этого нельзя, этот при деле. За спиной маячил Сан Саныч. И на этого особо не сорвешься. Все-таки самый старый член экипажа, не мальчик для битья. И тут ему попался на глаза пробирающийся мимо центрального поста Артем.

– А-а-а! – хищно оскалился Дмитрий Николаевич. – Доктор, ко мне!

Артем выгнулся, как загарпуненный в спину кашалот. Выдавлив жалкую улыбку, он боком протиснулся к командиру.

– Мой юный друг! – многообещающе начал Дмитрий Николаевич. – Вы очнитесь, наконец, от береговых мечтаний и включитесь в работу!

Артем напрягся. Если командир перешел на вы, то это самый верный индикатор максимальной опасности. За этим, как правило, следовала расправа.

– Я не наблюдаю вашу работу! – Дмитрий Николаевич демонстративно осмотрел центральный пост, затем заглянул под стол, будто надеялся хоть там увидеть следы деятельности доктора. – Вы когда займетесь делом?!

– Товарищ командир, я занимаюсь... – заблеял Артем.

– Что?! – скривился Дмитрий Николаевич. – А скажите мне, наш любезный врач, что вы знаете о БЧ-3?

– О БЧ-3?

– Да! Да! В штаны вам якорь! О нашей минно-торпедной части!

Артем напустил на лоб судорогу глубочайшего раздумья, соображая, к чему клонит командир и что за этим последует. Наконец, решившись, он выпалил:

– Я знаю, что торпеда зеленая, а мина живет в воде.

– Колоссально! – восхищенно произнес Дмитрий Николаевич. – И как с таким великим багажом знаний вы до сих пор не подсадили меня? Но я, клизма ты наша доморощенная, пополню твой запас! Без этой БЧ наш грозный крейсер сразу превращается в беззубую калошу! Способную лишь катать таких идиотов, как ты, в подводных круизах. Половина торпедистов мучается с зубами! Но в медблоке доктора застать невозможно, потому что они изволят опочивать в каюте! На камбузе тараканы на голову сыплются! А в носовом кубрике я видел большую серую мышь. Известную вам как крыса! Так до каких пор, я тебя спрашиваю, ты будешь шататься без дела по лодке?! Где работа? Где результат?

– Я... – невнятно бормотал Артем, еще не совсем представляя, чем закончить.

– Исчезни с глаз! – оборвал его Дмитрий Николаевич. – И займись делом.

Ух ты! А полегчало-то как! Ухмыльнувшись, он осмотрел притихший центральный пост.

«Работу ему давай! – злобно раздувался Артем, пробираясь в медблок. – Будет тебе работа! Надо взять ведро с мышьяком и высыпать у двери капитанской каюты! Пусть переступает, и двадцать раз подумает, прежде чем мне своими крысами в нос тыкать. Это же какая гнилозубая жаба на меня наступала? Если командир сказал, что с зубами мучается половина боевой части, значит, нашелся всего один ненормальный с лишними зубами. Потому что, будь их двое, было бы сказано, что в зубных конвульсиях бьется вся БЧ».

– Молодой человек!

Артем удивленно оглянулся. Перед ним стоял и смущенно улыбался седовласый старичок, о котором все забыли.

– Молодой человек, вы не подскажете, где здесь туалет?

Доктор на мгновение задумался. До него не сразу дошло, что у такого родного слова, как гальюн, есть синонимы. В другой раз, возможно, Артем с пониманием отнесся бы к несчастному дедушке, но сейчас, как говорится, тот попал ему под горячую руку.

– А вы ныряйте в эти дырочки с люточками, – ехидным голосом начал он наставлять старичка. – Они называются переборочками. И так прямо и прямо. Нырнете восемь раз, там он и будет, родимый. Только почитайте вначале инструкцию, какой винтик за каким крутить. А то вас на струе какашек в проход вынесет!

– Спасибо, спасибо! – заторопился старичок.

А Артем задумался: мы в походе уже три дня! Куда же он, бедняга, все это время ходил?

Приближался рубеж. Дмитрий Николаевич оглянулся вокруг: кого бы послать гонцом? Но все были заняты. Лишь за спиной маячила лысая голова замполита.

– Сан Саныч, – обратился к нему командир. – Сан Саныч, будь добр, разыщи нашего ученого мужа и пригласи на центральный пост. А то по громкой связи вызывать бесполезно, вряд ли он знает, где ЦП.

Выдержав паузу, приличествующую человеку, прослужившему на десять лет больше, чем командир, замполит нехотя двинулся на поиски профессора.

Обладатель должности с самым длинным названием в экипаже – заместитель командира корабля по работе с личным составом, а в миру по старинке именуемый замполитом, Александр Александрович Хрущ давно уже сквозь пальцы смотрел на свои обязанности. Сейчас он упорно штудировал законы и положения, касающиеся военных пенсионеров. Дембель вот-вот, уже рукой достать. И подойти к нему нужно во всеоружии знаний хитрых поправок и дополнений к основному закону. Это была его последняя автономка, а потому Сан Саныч даже не прикоснулся к перевязанной веревкой стопке документации, выданной отделом воспитания флота, которую он был обязан обработать за время похода. Каждый раз, спотыкаясь об нее в каюте, он брезгливо морщился и заталкивал ее поглубже под стол. Несправедливо будет сказать, что Сан Саныч уж совсем забросил свою работу. Нет, по привычке он продолжал проводить с матросами политинформацию и семинары. В каждой боевой части он имел доверенного стукача, и потому полагал, что обстановкой среди личного состава владеет. А однажды, на обязательных курсах для замполитов по психологии, он даже увлекся многочисленными тестами и анкетами. Под их впечатлением, нахватавшись к тому же всяческих терминов и понятий, он решился определить авторитет и влияние командира в экипаже методом анонимного анкетирования. И хотя две трети моряков он мог узнать по почерку, а остальную треть вычислить методом исключения, тестирование получилось объективное, так как матросы в анонимность поверили и отвечали честно. Результат Сан Саныча удивил. Командира очень даже уважали. А на вопрос «хотели бы вы, чтобы сменился командир лодки?» положительно не ответил никто. Тогда Сан Саныч попробовал узнать мнение о себе. А вот здесь результат его обескуражил. Он тут же сгреб все эти тесты в мусорную корзину и предал анафеме, а психологию объявил лженаукой.

Профессора замполит нашел изучающим фановую систему одного из галлюонов. Сан Саныч презрительно посмотрел на повисшего на вентиле Михаила Ивановича и, не сильно церемонясь в выражениях, напомнил ученому, для чего он вообще здесь нужен, а затем, повернув лицом в сторону центрального поста, легким пинком пригласил заняться полезным делом.

Михаил Иванович широко улыбнулся, узнав среди десятка подводников, занимающих центральный пост, командира.

– Вы хотели меня видеть?

– Господин ученый, – не сумев вспомнить имя и отчество, обратился к старичку Дмитрий Николаевич. – Мы почти у цели. Теперь слово за вами.

– Сколько еще?

– Тридцать миль.

– Отлично! Отлично! – азартно потер руки профессор. – Зовите меня просто Михаилом Ивановичем, господин капитан. Потому что на господина я породой не вышел, так как из рабочих и крестьян.

Дедушка с юмором, – улыбнулся Дмитрий Николаевич. – Дедушка изволит шутить.

– Что вам необходимо для работы, Михаил Иванович?

– Попросите, чтобы принесли мои ящики. Еще мне необходимы разъемы бортового питания и возможность связи с вашей боевой информационной и управляющей системой «Омнибус» и вашим навигационным комплексом, – Михаил Иванович вскользь пробежался взглядом по вытянутой панели приборов. – Я вижу, у вас все еще стоит старая «Медведица»? Это даже лучше. Мой мальчик будет вносить в них корректирующие поправки.

– Ваш мальчик? – командир удивленно поднял брови. Почему-то сразу вспомнились бессмертные «Двенадцать стульев».

Разглядывая ученого и постепенно приходя в себя от такой завидной осведомленности в оборудовании лодки, Дмитрий Николаевич наконец изрек:

– Сделаем, как скажете. И, кстати, я тоже из рабочих, перемноженных на крестьян, а потому зовите меня «товарищ» и еще добавляйте – «командир».

На ЦП появились два пластиковых контейнера с мощными замками на крышках, а вслед за ними и десяток любопытных физиономий, опасливо выглядывающих из-за переборок.

– А вот и мой мальчик! – обрадовался Михаил Иванович.

Сбросив крышки и растянув кабели, он полез вдоль приборной панели, разыскивая необходимые разъемы. Соединенные между собой ящики ожили и засветились зелеными индикаторами.

– Гы, гы! – мгновенно появился рядом выскочивший, как чертик из табакерки, Миша Хомин. – Как у меня на компе! – обрадовался он, увидев что-то, отдаленно напоминающее компьютерную клавиатуру.

– Не трогайте! – крикнул неестественно громко профессор.

– А что, взорвется? Гы, гы! – замер Миша с зависшими над ящиками руками.

– Ну почему сразу взорвется? – облегченно вздохнул Михаил Иванович, увидев, что сумел предотвратить лихую атаку на свое детище. – Но я уверен, что вы, наверное, еще хотели бы пожить, да и я, впрочем, тоже. У меня, молодой человек, внучке десять лет, а мне хотелось бы еще ее замуж выдать, да правнуков дожждаться.

– Так я же и говорю, что «взорвется», – осторожно убрал руки Миша и отступил на шаг.

– Да причем здесь взрыв! – возмутился профессор, удивляясь Мишиной несообразительности. – Это наш защитный экран. Мой мальчик будет генерировать сохраняющее поле, которое спасет нас от губительных потоков неуравновешенных ионов, формирующих проводящий колодец.

Командир переглянулся с замполитом.

– Так-то вот, Миша. Это тебе не помидоры с огурцами. Это ионы! Ты, наверное, и слова такого не слышал? Есть у тебя маринованные ионы?

И они жизнерадостно загоготали на весь центральный пост.

Миша растерянно озираясь, не совсем понимая – где здесь ученая мудрость, а где флотский юмор?

– До точки входа десять миль, – доложил штурман.

– Хорошо, хорошо, – напевал себе под нос Михаил Иванович. – Мой мальчик уже чувствует экран.

Командир посмотрел на стеклянный квадрат отображения обстановки. Впереди по курсу белой блямбой приближался обеспечивающий сухогруз. Больше в радиусе пятидесяти миль не было ни одной цели.

«Это хорошо», – подумал командир. Удивительно, но факт! Об их эксперименте не известно ни НАТО, ни американцам. Иначе здесь бы уже было не протолкнуться от кораблей и лодок.

– Пять миль! – напомнил штурман.

– Что такое!? – удивленно спросил управляющий рулями боцман.

Рукоятки вдруг сами вздрогнули и аккуратно отработали на погружение.

– Это ничего! – поспешил всех успокоить Михаил Иванович. – Это мой мальчик выравнивает лодку на ведущий луч.

– Весело, – угрюмо сказал командир и, прокашлявшись, посмотрел на глубиномер. Мальчик перевел лодку с трехсот шестидесяти метров на триста восемьдесят и замер. Неприятно было осознавать, что они теперь вроде как и ни при чем, а лодкой управляет какой-то ящик.

Неожиданно еще раз вскрикнул боцман. Отдернув руки, он потрясенно смотрел на заискрившиеся зелеными нитями рукоятки управления. Вслед за этим по переборкам центрального поста пробежала голубая паутина мелких разрядов. На хронометре звонко треснуло стекло, и секундная стрелка замерла.

– Что за хрень!? – пробормотал Дмитрий Николаевич.

– Давление! Идет сильное давление, – спокойно ответил Михаил Иванович. – Ничего, мальчик справится.

– Профессор, нам еще после ваших экспериментов надо боевую службу нести, а ваш выкормыш нас в док на ремонт отправит!

Больше всего командира возмущало, с каким спокойствием этот старый умник наблюдает, как стекла приборов дрожат мелкой вибрацией и вот-вот начнут лопаться, а экраны локаторов затянулись серой пеленой, показывая сплошные помехи.

Резко, как перед грозой, в воздухе вдруг почувствовалось пресыщение электричества.

– Спокойно, командир, спокойно, – обращаясь скорее к самому себе, твердил Михаил Иванович.

Лодка дернулась вправо, на несколько градусов подправив курс.

Дмитрий Николаевич, злобно раздувая щеки, молча наблюдал, как указатель компаса хаотично задергал стрелкой, а несколько лампочек ярко вспыхнули от перенапряжения и погасли. Но когда с потолка отслоилось несколько кусков краски и упало к нему на стол, командир не выдержал:

– Вы еще долго будете издеваться над лодкой?!

– Скоро, командир, скоро, – продолжал твердить профессор. – Мы уже в тоннеле. Давай, малыш, давай. Еще чуть-чуть.

Вдруг все стихло. На центральном посту даже стало светлее. Запах электричества исчез, потрескивание разрядов прекратилось. Послышался всеобщий вздох облегчения.

– Наконец-то, – произнес Дмитрий Николаевич. – Ну, что опять не так? – он увидел растерянное лицо профессора. – У вас все в порядке?

– Да-да, – поторопился заверить Михаил Иванович. – Только я представлял все это несколько иначе. Как-то все получилось скомканно и быстро.

– Да откуда вы можете знать, как оно должно быть, если мы первые? Успокойтесь, профессор. Скоро мы увидим, с пользой вы тратили народные деньги или выбросили в мусор. Если буи сработали, то уже через полчаса сюда начнут подтягиваться эсминцы.

Командир подхватил микрофон на спиральном шнуре, именуемый «бананом», и скомандовал:

– БЧ-4, центральному посту!

– На связи, товарищ командир! – откликнулся командир связистов Вова Кошкин.

– Давай радиодонесение: рубеж прошли, следуя по заданию.

Медленно, очень медленно протянулся час, но на экране по-прежнему было чисто.

Дмитрий Николаевич просиял и, повернувшись к все еще растерянному Михаилу Ивановичу, радостно сказал:

– Поздравляю вас, профессор! Колите на пиджачке дырку, или как там вас поощрят? Нас не заметили. И лет на пять, пока они вновь разберутся, вы нам обеспечили фору перед натовцами. Обнажаю перед вами голову, вы заслужили.

– Да, да, – рассеянно ответил Михаил Иванович и с задумчивым видом покинул центральный пост.

Глава третья

Голливуд отдыхает

Рафик Акопян заступил на пост гидроакустики в отгороженный у переборки угол и закрылся шторкой. Это было удобно. Считалось, что посторонний свет не должен мешать наблюдать за экраном, но была для шторки и другая причина. Спрятавшись за ней во время дежурства, можно было заниматься куда более полезными делами, чем тупо глядеть на экран в течение четырех часов вахты. И Рафик ими занимался. Тем более что экран уже несколько часов был пуст. Рафик плел аксельбанты. А это – самый важный элемент дембельского гардероба. Плел хорошо. Это не были тусклые и тонкие, похожие на веревки, аксельбанты, продаваемые в военторге, а пышные, из золоченой нити. Мечта любого дембеля. Сам Рафик прослужил всего год, и не было дня в этом году, чтобы он не посыпал голову пеплом за ту великую глупость, которую совершил на призывной медкомиссии. Вместо того чтобы, как все продвинутые призывники, дыша через раз и судорожно подергивая конечностями, изображать из себя рахита, Рафик раздувался перед медсестрами, как безмозглый павлин. А в спирометр дунул так, что чуть не потерял сознание, но зато посмотреть прибежали из соседних кабинетов. Старания оценили, и вот он здесь. Конечно, это не предел, и еще можно вляпаться в морскую пехоту, но об этом Рафик боялся даже подумать.

На пост заглянул Славик Пахомов.

– Раф, я тебе работенку принес.

И Слава вывалил на экран клубок ниток и ватман с зарисовками, какой длины и как должен идти шнурок, чтобы Славику понравилось.

– Ты не филонь и не торопись, но чтобы к отбою было сделано!

И, для убедительности и лучшего усвоения поставленной задачи, Слава отвесил Рафику звонкий подзатыльник. Имел право. Славик Пахомов был дембель. Дембель! О, это волшебное слово, ласкающее слух любого матроса. Без разницы – прослужил он только один день, или один день ему всего остался. Рафик мечтательно закрыл глаза и предался сладким грезам. Пройдет год, и уже он будет красоваться перед зеркалом в казарме, примеряя расшитый всеми цветами бархата дембельский китель. Адмирал Нельсон, не пожелавший в Трафальгарском сражении снять увешанный наградами мундир, а потому схлопотавший пулю от глазастого стрелка противника, выглядел бы тусклым медным пятаком рядом с золотым червонцем, каким был дембель. И пусть придется добираться домой не один день. Сменить два поезда, ехать несколько часов на убитом автобусе до районного центра, чтобы затем еще двенадцать

километров протопать до родного аула. Но зато потом! Рафик представил, как подойдет он к арыку с журчащей мутной водой под обалдевшими взглядами односельчан, и, нервно дернув на себе тельняшку, небрежно бросит:

– Ну, плесните же мне кто-нибудь на грудь! Не могу жить без моря!

Рафик подобрал покотившиеся градом слюни, и тут его взгляд упал на экран. Перемахнув уже половину серого поля, ползла белая точка цели.

– Ух ты! – выдохнул Рафик.

Заметавшись по посту, он судорожно соображал, что делать. Корабль наверняка уже не меньше получаса светился на экране, а он его не видел. За такое можно хорошо по голове отгрести. «А может, не докладывать? – метались хаосом мысли. – Будто и не было его! Еще минут пятнадцать, и он с экрана исчезнет». Но тут же возникли сомнения: а вдруг цель по другим каналам взяли? Тогда вообще голову оторвут! Наконец, решившись, Рафик несмело выглянул из-за шторы. По другую сторону отсека, уперевшись лбом в рабочий стол, дремал командир БЧ капитан-лейтенант Зайцев.

– Тащ... – жалобно застонал Рафик. – А тут эта! Цель!

– Что?! – подскочил Максим.

Покрутив ручки настройки и отделив цель от помех, он задал вопрос, которого Рафик очень боялся:

– А ты когда ее заметил?

Рафик, решая непосильный ребус, прекратил дышать: скажешь – только что, спросит – а почему? Чем ты, козья морда, занимался? Соврать, что давно ее видел и вроде бы как вел, так ведь спросит – а почему на центральный пост не доложил? И его не позвал?

Скорчив жалобную физиономию, Рафик обхватил руками голову, вжался в переборку и затих.

Но капитан-лейтенант уже забыл о нем, полностью переключившись на появившийся корабль. Рафик облегченно выдохнул.

– Центральный, гидропосту! – произнес Максим в засвистевший «банан».

– Ответил! – откликнулся подменивший командира старший помощник.

– Цель! Уходит пересекающим курсом. Скорость шесть узлов. Предположительно транспорт.

– Понял. Сопровождайте.

Максим вывел на динамик звук от цели, и пост наполнился тяжелыми шлепками винта о воду. Да, это явно был гражданский корабль. Сухогруз или танкер. Обороты винта невысокие, тон низкий, почти уходящий в инфразвук. Вдруг звучание изменилось, корабль добавил оборотов и теперь молотил по воде надрывно, из последних сил. Но затем обороты упали чуть ли не до полной остановки. Максим удивленно посмотрел на экран. Корабль хаотично изменял курс. Метнувшись вначале вправо, он затем развернулся влево и пошел навстречу лодке. Странное поведение для транспорта! Но дальше и вовсе стало интересно. Край экрана засветился появившимися новыми целями.

«Одна, две, пять!» – считал про себя Максим. Когда их уже было больше десятка, он сбился. А цели все появлялись и появлялись. Доложив на центральный пост, он почувствовал, что там тоже напряглись, соображая – что бы это могло значить? Среди кучи белых точек бортовая машина выделила несколько отметок от боевых кораблей. Они металась поперек основного курса, изменяя скорость от тридцати узлов до полной остановки. Окончательно сбитый с толку, Максим в изумлении смотрел, как весь этот снежный ком перемещается им навстречу.

Индикатор рисовал все новые и новые всплески от появляющихся источников звука, разделяя их по частотам. Вдруг, у самого обреза, поднялся тонкий несмелый горбик. Максиму показалось, что с экрана ему ухмыльнулась морда осьминога. Такую высокую частоту могла породить только торпеда. Все еще не веря собственным глазам, он наблюдал, как холмик раздвоился. Теперь торпеды пели дуэтом. Прокатившийся где-то над головой отголосок взрыва все слышали и без чувствительной аппаратуры. Лодка мелко вздрогнула, откликнувшись на

проникшую на глубину взрывную волну.

– Что у вас здесь творится?! – прибежал в отсек командир.

Максим хотел ответить, что вся эта вакханалия на экранах напоминает ему танцующих над головой гопак соседей, но не успел. Четыре мощных удара в корпус встряхнули лодку так, что все, кто стоял на ногах, в миг оказались распростертыми на полу. Через несколько секунд серия из четырех ударов повторилась немного подальше и несколько мягче. На табло отказов вспыхнула лампа выхода из строя антенны радиолокатора.

Дмитрий Николаевич наконец вышел из прострации и бросился к люку в центральный пост. Взвыли винты, и, пренебрегая шумовой скрытностью, лодка двадцатиузловым рывком полетела прочь из-под раздающихся над головой взрывов. Командир схватил валявшуюся на столе разведсводку. Но у западного побережья Англии не были указаны даже занимающиеся промыслом рыбаки. Здесь не должно было быть никого!

– БЧ-4 центральному!

– На связи, товарищ командир! – откликнулся Вова Кошкин.

– Ты донесение с берега получил?

– Донесения не было.

Дмитрий Николаевич задумался. Возможно, что Ту-142 закончил работу и ушел домой. Так бывало. Через несколько часов прилетит другой и связь восстановится. А может, как всегда, у них погода нелетная? Но ждать, пока все само рассосется, было не в его правилах. С этим концертом, чуть не повредившим лодку, следовало разобраться немедленно! Они еще понаблюдали со стороны за мечущимися на экране кораблями и за вспыхивающими пятнами взрывов, а когда экран постепенно опустел, командир дал команду на всплытие под перископную глубину. Шаг очень рискованный. Некстати оказавшийся сейчас над ними на орбите спутник мог легко их разоблачить. Но и ситуация требовала нестандартных действий. Прильнув к тубусу перископа, Дмитрий Николаевич удивленно наблюдал пылающее на горизонте зарево. Кругозор был чист, лишь только поднимался к небу столб черного дыма в том месте, где пламя

разгоняло подступающие сумерки.

– Кошкин! – позвал он командира БЧ-4. – Сейчас всплывем для ремонта антенны локатора, а ты отработай на длинных волнах. Доложи наше место и то, что наблюдали взрывы от неопознанных кораблей.

– Товарищ командир, далеко. Могут не услышать.

– Тогда ты у меня сам побежишь, как быстрый олень, с донесением в зубах! Не услышат! А ты им уши прочисти!

Вова бросился в радиорубку, припоминая на ходу профессиональную поговорку, что связь, она как воздух – когда она есть, ее никто не замечает, но когда она исчезает, все задыхаются.

Разогнав по сторонам небольшое цунами, лодка всплыла на поверхность. Поднявшись на мостик, Дмитрий Николаевич смотрел в бинокль на полыхающее на горизонте море. Что это могло быть? Неожиданно пламя сорвалось под налетевшим ветром, и показался черный конус, очень напоминающий нос корабля. Дмитрий Николаевич удивленно подкрутил резкость. Так и есть – торчащий из воды острый нос корабля. Даже видны нити лееров.

Кряхтя, на мостик поднялся замполит. Командир молча передал ему бинокль. Сан Саныч долго смотрел на незатухающее зарево и вдруг, догадавшись, радостно выкрикнул:

– Кино снимают! А как похоже! Голливуд отдыхает!

Но, поразмыслив, он поправился:

– Хотя, может, Голливуд и снимает. Они богатые и запросто могут сжечь корабль ради красивых кадров.

Командир промолчал, но, заметив что-то вблизи лодки, вырвал у замполита бинокль.

– А это киношный инвентарь? Или отбившийся актер?

Волны несли к лодке оранжевый жилет, из которого высовывалась голова с прилипшими ко лбу волосами. Сверху кружились три чайки, приноравливаясь к качающемуся на волнах телу. Не открывая глаз, человек вяло поднял вверх руку, пытаясь испугать навязчивых птиц.

– Он живой! – удивленно произнес Сан Саныч.

Но командир отреагировал быстрее:

– Доктора наверх!

Дмитрий Николаевич посмотрел на провисающие до самой воды темные облака. Ему показалось, что откуда-то сверху доносится низкий гул, очень смахивающий на звук самолета.

Спустившись на палубу, они глядели на приближающегося пловца, который уже не подавал признаков жизни. Близость лодки спугнула чаек, и теперь они терпеливо кружили в стороне, ожидая своего часа. Жилет скрипнул, ударившись о борт лодки, и человека понесло от носа к корме. Старпом с доктором набросили на тело веревку и выволокли его на резиновый настил. Человек лежал, раскинув руки, а вокруг него стояли командир, замполит, старпом, доктор и бросивший ремонт антенны Максим и смотрели на серую куртку пловца с орлом, сжимавшим в когтях свастику. Из расстегнутой куртки торчала майка, и для того, чтобы уже ни у кого не возникало сомнений, на ней орел раскинул крылья на всю грудь.

Глава четвертая

Всевидящее око Кондора

Тяжелые облака проносились мимо фонаря кабины рваными хлопьями. В разрывах между ними мелькали серо-синие волны. Они то появлялись и пугали своей близостью, то исчезали в провалившихся до воды тучах. Нижний край облачности нависал свинцовым изорванным одеялом, заставляя лететь, едва не задевая крылом кипящие барашки волн. Морской разведчик «Фокке-Вульф-200

«Кондор», натужно завывая четырьмя двигателями, перемалывал винтами несущийся навстречу туман. Такая погода исключала встречу с английскими истребителями, но и мастерства требовала немало. Вылетев на разведку и контроль результатов атаки волчьей стаи папы Карла на американский конвой, они находились в воздухе уже восемь часов. Пять из них экипаж балансировал на тонкой грани между черными волнами и искрящимися над головой грозowymi облаками.

– Штурман! Ты снял танкер в момент, когда он перевернулся винтами кверху?

– Снял, командир, снял!

– Смотри! А то еще одного захода моя мокрая спина не выдержит.

В подтверждение командир с правым летчиком захрипели от натуги, вцепившись в штурвалы и вытягивая просевший самолет на безопасную высоту.

– Командир! Что-то слабенько сегодня отработали наши подводники. Я насчитал больше тридцати кораблей, а они достали всего один танкер.

– Ульрих, а ты видел, что из тридцати пять были эсминцы? Радист говорит, будто слышал чей-то SOS. Так что, вполне возможно, досталось и нашим.

– Это сколько же всякого добра дойдет англичанам?

– Не расстраивайся! – невесело усмехнулся командир. – Сейчас адмирал Дениц проведет по связи со своими волками вразумительную беседу. Они взбодрятся, перестроятся, обгонят конвой и опять вцепятся ему в пятки. А нам снова лететь снимать их победы. Дали бы хоть отоспаться!

Штурман тяжело вздохнул, оценив невеселую перспективу. Вдруг среди серых волн мелькнуло черное и длинное инородное тело. Рука натренированно схватила фотоаппарат, совместила перекрестие с целью, и затвор успел щелкнуть, прежде чем все увиденное скрылось во вставших на пути тучах.

– Командир! Ты видел?

– Видел.

– Похоже на подводную лодку.

– Ты что, лодок не видел? Скорее, это перевернувшаяся кверху дном баржа. А возможно, вообще скала или отмель.

– Может, еще раз зайдем?

– Ну уж нет! Если бы ты не снял, я и докладывать об этом не стал бы. Все! На сегодня хватит! Уходим домой.

Самолет взвыл двигателями, выведенными на максимальные обороты, и тяжело полез вверх, карабкаясь сквозь чугунные облака. На шести тысячах метров они увидели клонящееся к закату солнце. А через три часа приземлились на родном аэродроме. Еще час, и снимки легли на стол командующему первой флотилией подводных лодок в Бресте, корветтен-капитану Вернеру Винтеру.

Стрелки на стоящих в углу стройной тумбой часах приближались к полуночи. Черная французская ночь скрыла прекрасную панораму из окна на берег Бискайского залива. Лишь завывание ветра и шум волн напоминали о приближающемся шторме. Уютно потрескивал камин, распространяя по украшенному коврами залу тепло. Вернер Винтер задумчиво сидел за дубовым столом и просматривал доставленные снимки. Около десяти из них показывали разные стадии агонии танкера. Здесь все было ясно. Время доклада командира лодки об атаке и время, указанное на снимках, совпадало. И то, что судно, брошенное американцами, непременно затонет, не вызывало сомнения. Экипажу лодки однозначно засчитают уничтожение танкера. Можно отправлять в Париж, в штаб-квартиру адмирала Деница, результаты первой атаки конвоя НХ-88. Натренированным глазом опытного подводника Винтер определил тоннаж: около семи тысяч тонн. Затем взял радиограмму с лодки и улыбнулся: командир U-563 Гетц Хартман оценил танкер в десять тысяч. Что ж, это нормально. Командирам потопленные ими баржи всегда кажутся авианосцами. Далее он вернулся к странному снимку с размытой темной сигарой на фоне серых волн. Судя по времени, снимок был сделан в районе нахождения конвоя. Вернер взял лупу и еще раз миллиметр за миллиметром начал осматривать фотографию. Если вначале возникло сомнение, то теперь в том, что это произведение рук

человеческих, а не природы, он уже не сомневался. И чем больше он смотрел, тем больше его охватывало волнение. Винтер вдруг понял, что точки, которые он принял за дефект негатива, – это люди. А округлые зализанные обводы – не что иное, как идеальные формы неизвестной подводной лодки! Придя к этому выводу, Вернер Винтер вскочил и возбужденно принялся мерить шагами кабинет. Услышав шум, заглянул в дверь адъютант унтер-офицер Вилли Шуман. Винтер подсел к камину и в свете огня еще раз посмотрел на снимок. Сомнений нет! Перед ним не очень отчетливое, но вполне понятное изображение неизвестной до сих пор подводной лодки противника. Перевернув фотографию, он написал свои комментарии и потянулся за конвертом.

В кабинет неслышно вошла жена корветтен-капитана.

– Вернер, ты совсем не жалеешь себя и Вилли. Отпусти уже наконец его спать и сам тоже иди отдыхать.

– Сейчас, дорогая, сейчас. А вот Вилли сегодня поспать не получится. Урсула, не волнуйся, я сейчас приду.

– Завтра, наверное, весь день будет шторм, – не торопилась уходить супруга. Открыв плотную штору, она смотрела в темноту. – Габи очень хотела сходить на пляж и искупаться.

По лицу командующего пробежала тень. Он хотел сказать, что такая погода – это мечта подводника. Но, вспомнив о дочери, осекся.

– Как она?

– Все так же. В полдень опять приходил доктор. Говорит, что нашей дочери необходимо жаркое лето, сухой климат. А здесь все наоборот. Доктор, конечно, пытается нас успокоить, но мне кажется, что Габи стало хуже. Раньше, хотя бы изредка, появлялся румянец, а теперь ее лицо не покидает бледность.

– Это реакция на сырость. Не волнуйся, скоро циклон пройдет и наступит настоящее французское лето. С жарой и зноем.

– Скорей бы, – тяжело вздохнула Урсула. – Так ты идешь?

– Еще десять минут, дорогая. Мне необходимо сделать важный звонок.

Дождавшись, когда жена выйдет из кабинета, Вернер Винтер потянулся к телефону:

– Соедините меня со штаб-квартирой адмирала Карла Деница!

Несколько минут ожидания показались невероятно длинными.

«Возможно, адмирал уже отдыхает?» – с чувством вины подумал корветтен-капитан.

– Слушаю, – наконец прозвучал знакомый голос на другом конце провода.

– Господин адмирал, это командующий первой флотилии. Прошу прощения за поздний звонок.

– Не оправдывайтесь, Вернер. Что у вас?

– Господин адмирал, я считаю, что вы должны взглянуть на один снимок. Не хотелось бы вдаваться в детали по телефону, но я немедленно отправляю к вам своего адъютанта. Думаю, к утру он уже будет у вас.

– Хорошо. Я предупрежу, чтобы его сразу провели ко мне.

Трубка загудела, дав отбой. Корветтен-капитан Винтер задумчиво прошелся по кабинету, затем опечатал конверт со снимком и вызвал адъютанта:

– Вилли, возьмите мой «опель» и немедленно поезжайте в Париж. Этот конверт передайте лично в руки адмиралу Деницу. Вас будут ожидать.

Дождавшись, когда во дворе его старинной французской усадьбы вспыхнули фары и машина вырулила на дорогу, Вернер задернул шторы и сел ближе к камину.

«До Парижа пятьсот километров, – размышлял он, глядя на карту. – Вилли доберется часам к восьми».

Пододвинув поближе телефон и вытянув к огню ноги, он задремал, свесив голову на грудь. В шесть часов его разбудил настойчивый звонок. Вилли добрался раньше, чем рассчитывал Вернер. Страхнув остатки дремы и прокашлявшись, чтобы адмирал не почувствовал его сонный голос, Вернер схватил трубку телефона:

– Слушаю!

– Я ознакомился с вашим материалом, – прозвучал задумчивый голос адмирала. – Это очень интересно.

– Я был уверен, что это будет достойно вашего внимания.

– Вернер, вы считаете – это англичане?

– Маловероятно, господин адмирал. В Англии много наших шпионов, и пропустить производство такого объекта невозможно. Даже несмотря на жесткую секретность, хотя бы крупницы информации, но просочились бы.

– Американцы?

– Думаю – да. Наша агентурная сеть там не так развита. И технический потенциал значительно мощнее английского. Если кому и по плечу такое... – Вернер задумался, подбирая нужное слово, чтобы не называть предмет их с адмиралом разговора. – Изделие, то только американцам.

– Кто еще видел снимок?

– Фотография сделана в единственном экземпляре. Она у вас. Негатив у меня в сейфе. Возможно, видели в фотолаборатории авиаполка.

– Сообщите им, что разведчик снял обломки брошенного корабля.

– Есть, господин адмирал.

– Вернер, всю информацию по этой теме засекретить. Любое вновь поступившее сообщение подавайте мне немедленно. И кстати, что вы собираетесь предпринять?

– Нам известен район нахождения этого объекта. Севернее работает наша группа по перехвату конвоя НХ-88. Две лодки придется снять и перенацелить на задачу по поиску американца. Ночью будем посылать на разведку «кондоры», оснащенные локаторами и прожекторами, с приказом фотографировать все, что им покажется необычным. Уверен, что несмотря на необычные формы, им тоже необходимо всплывать для подзарядки аккумуляторов.

– Хорошо. Какие новости по конвою? Насчет танкера я знаю.

– Ночью им удалось оторваться, но маршрут вполне предсказуем, так что еще сумеем организовать пару атак.

– Связь имеете со всеми лодками?

– Не ответила U-84.

– Что с Хорстом?

– Пока молчит. Его регулярно вызывают на связь, но безответно.

– Хорст Упхофф, насколько я помню, всегда ставил скрытность превыше докладов в штаб. Очевидно, увлекся преследованием. Думаю, Вернер, волнения преждевременны. Скоро он объявится.

– Я тоже на это надеюсь, господин адмирал.

– Что-нибудь еще?

– Да, господин адмирал. Я хотел бы знать степень моих полномочий при охоте на американского призрак.

– Мне понравилось, как вы его окрестили. Вернер, я не ставлю перед вами невыполнимых задач. И не рассчитываю на то, что вам удастся выловить его целым и невредимым. Меня вполне устроят фрагменты корпуса и оборудования. А еще лучше – попытайтесь пленить кого-нибудь из членов экипажа. Наверняка наш призрак опасен, так что не рискуйте и предупредите командиров, чтобы атаковали без предупреждения и с дальней дистанции. Помните, Вернер, все ваши действия должны происходить под завесой полной секретности. Для верности сочините какую-нибудь легенду. Я рассчитываю на вас!

– Так точно, господин адмирал! – выкрикнул Вернер Винтер уже в гудящую трубку.

Глава пятая

Уроки истории

Возле медблока столпился почти весь экипаж. Даже те, кому выпало время дежурства, прибежали на минуту и шептались:

– Как там? Ну, хоть что-нибудь расскажите! Кто он?

Почувствовав величие момента, Артем раздулся, как почуявшая приближение дождя жаба.

– Так! А ну быстро все отбежали от двери! Не мешайте спасти человека!

Заметив появившегося командира, он театрально заломил руки и забубнил:

– Товарищ командир, ну хоть вы им скажите! Ну ведь совсем невозможно работать!

– Ты не сильно тут надувайся, а то надорвешься, работник.

Командир отстранил Артема и вошел в тесное помещение медблока. Вдоль стены нависала единственная двухъярусная койка с аккуратно заправленным комплектом белого белья. На нижнем ярусе поверх одеяла лежал выловленный из воды моряк.

– Что с ним?

– А ничего. Я в том смысле, что он здоров, как танк. Возможно, наглотался воды. Есть, конечно, ощущение, что его как будто веслом огрели. Чего ему только не колот, он все никак не очухается.

– Не веслом, а взрывом.

– Да, похоже. Взгляните сами: глаза реагируют на свет, цвет лица вполне здоровый, дыхание ровное. У меня создается впечатление, что он нас слышит, но не хочет признаваться.

– У меня тоже. Ты не смотрел, при нем какие-нибудь документы были?

– Нет... – Артем озадаченно потер нос, ему даже в голову не приходила мысль порыться по карманам у своего подопечного.

Командир уверенно расстегнул куртку с орлами на пуговицах и запустил руку в нагрудный карман.

– Интересно... – он раскрыл картонную книжицу, состоящую всего из двух страниц.

На первом развороте была небольшая фотография, два на три, со всех углов облепленная размытыми печатями с орлами и свастикой. Второй разворот был исписан типографским шрифтом с графами для заполнения. На обеих страницах четверть листа занимала выдавленная печатью жирная буква U.

Дмитрий Николаевич в раздумье повертел документ со всех сторон и задумчиво произнес:

– Надписи похожи на немецкие. – Выглянув из двери медблока, он выкрикнул в глазевшую на него толпу: – Есть кто-нибудь, знающий немецкий язык?

Знатоков немецкого не нашлось. Командир уже собрался сказать что-нибудь ядовитое по поводу умственной одаренности своего экипажа, как вдруг, растолкав первый ряд, вперед вышел начпрод Миша.

– Товарищ командир, можно я попробую?

– Что попробуешь? – не понял Дмитрий Николаевич, но когда до него дошел смысл Мишиных слов, его лицо удивленно вытянулось. – Это же с каких пор начпроды стали у нас языками интересоваться? Ну хорошо, попробуй.

Миша переступил порог медблока и взял в руки еще влажные корочки. Минуту он беззвучно шевелил губами, силясь издать замысловатые звуки. Наконец командир не выдержал и вырвал документ у него из рук.

– Миша, что ты мне голову морочишь? Откуда ты немецкий знаешь? В школе, что ли, учил?

– Нет. В школе у меня, кажется, английский был.

– Так чего же ты возомнил из себя ооновского переводчика?

– Товарищ командир, немецкий я сам учил.

– Ты учил сам? А зачем?

Миша сконфуженно замялся, но решив, что деваться некуда, сбивчиво произнес:

– Вы только не подумайте ничего такого. Это я собирался, когда уже отслужу. А раньше ни-ни! Только когда уже на пенсии.

– Ничего не понял. Что ты собирался? На пенсии немецкий язык учить? Так может, нам до твоей пенсии подождать?

– Товарищ командир! – Миша потрянул головой, пытаясь собрать мысли в кучу. – У моей жены в Германии родственники живут. Вот мы и думали, как отслужим, к ним уехать. Мы с ней вместе по самоучителю занимались.

– Хреново занимались, если ты даже документ прочесть не можешь.

– Я разговорный язык учил.

– Дайте, я прочту, – вмешался Артем, протянув руку.

– А ты, доктор, что, тоже за кордон собрался?

– Почему? Нет. Немецкий язык я в школе учил.

– А-а-а, – разочарованно протянул командир. – Ну, в школе мы все чему-нибудь учились.

Но на всякий случай Дмитрий Николаевич отдал доктору развернутые корочки.

Артем вскользь пробежал взглядом по тексту и, взглянув на лежавшего на койке моряка, сказал:

– Это солдатская книжка лейтенанта цур зее Отто Витмана, вахтенного офицера U-84. Родившегося первого марта тысяча девятьсот двадцать первого года в Дрездене.

– Какого года? – переспросил вездесущий Сан Саныч, сумевший с трудом втиснуться в тесный тамбур медблока. – Он неплохо сохранился. Это ему сейчас почти девяносто?

– Странно все это, – озадаченно произнес командир. – Доктор, а ты не ошибся?

– Нет, не ошибся. Немецкий язык я в школе лучше других знал.

– Хорошая у тебя была школа. Меня в моей так и русскому не смогли толком выучить.

– Я в Питере в гуманитарной гимназии учился, с языковым уклоном.

– Давайте лучше расспросим нашего древнего мамонта и все узнаем, – вмешался замполит. – И ежу понятно, что он притворяется и слушает нас. Док, спроси: от какого он цирка отстал?

Артем склонился над койкой и потряс напрягшуюся руку.

– Вы слышите меня? – спросил Артем по-немецки. Немного подумав, он поправился: – Вы понимаете меня? Вы говорите на немецком языке? Как вы себя чувствуете?

Поняв, что разоблачен, Отто Витман открыл глаза и посмотрел доктору в лицо. Не ожидавший этого Артем отшатнулся, но, спохватившись, улыбнулся и спросил:

– Кто вы? Как вы оказались в море?

– Я в плену? – вдруг отчетливо спросил моряк.

Артем выпрямился и, обернувшись к командиру, удивленно сказал:

– Он думает, что он у нас в плену.

– Он что – сумасшедший?

– Что ему сказать?

– Спроси: он с того затонувшего корабля? Что с ними случилось? Где остальной экипаж?

Артем еле успевал переводить задаваемые командиром вопросы. По мере того, как немец их выслушивал, его лицо все сильнее вытягивалось от изумления.

– Кто вы? – ответил он вопросом на все вопросы.

– Он спрашивает – кто мы? Сказать? – спросил у командира Артем.

Дмитрий Николаевич задумался. По законам элементарной морали они сейчас должны помочь экипажу, терпящему бедствие. Но это означало бы полностью себя разоблачить. А тут как назло еще связи со штабом нет никакой! А с другой стороны: не может такая катастрофа остаться незамеченной. Рядом была тьма других кораблей. Наверняка уже всех спасли. И что делать с этим выраженным в такую странную форму немцем?

– Да, скажи. Но предупреди, что домой он вернется не скоро. В лучшем случае передадим на наш корабль, если штаб организует встречу. А если нет, то будет кататься с нами до окончания похода.

Артем дружески похлопал немца по плечу:

– Не волнуйтесь. Вы на борту российской подводной лодки. Разумеется, мы вас вернем домой, но не сразу. Придется потерпеть.

– Русские! – выкрикнул вдруг немец и, вскочив, сел на край койки. – Вы русские?!

– Он так удивляется, будто Россия уже тысячу лет как вымерла, – оскорблено прокомментировал поведение спасенного Артем. – Русские, русские! – передразнил он немца. – А ты кого хотел увидеть – армян?

– Кто-нибудь хоть что-то понимает? – развел руками Дмитрий Николаевич. – Я лично ничего!

Но тут вдруг опять заговорил немец, а затем поднял вверх руки и замер.

– Что он там лопочет?

Артем помедлил: с чего начать? И подать это в виде шутки или диагноза?

– Он сказал, что его зовут Отто Витман и он знает, что русские не соблюдают конвенцию о военнопленных, но просит его не расстреливать, так как он может быть нам полезен. Еще он говорит, что он из семьи рабочего и никогда не питал ненависти к коммунистам.

Теперь задумался даже не любитель напрягать голову Сан Саныч:

– Тут одно из двух: или лето на дворе, потому и лыжи не едут, или мы в центре какого-то дурацкого розыгрыша. Командир, может, дать ему по зубам, а то его шутки начинают меня доставать?

– Погоди, может, он больной. Сам же видел, сколько он в холодной воде болтался. Доктор, спроси: что случилось с кораблем и почему его не спасли вместе с остальными?

Решив для себя, что молчание может его погубить, Отто теперь говорил долго, обстоятельно, и, заглядывая в глаза доктору, старался угадать, какое впечатление производит его рассказ. Командир терпеливо ждал, когда Артем начнет переводить ему монолог спасенного. Наконец, заинтригованный растерянным видом доктора, он дернул его за рукав:

– Ну? Не томи!

– Товарищ командир, учтите, что это говорит он, а не я, – Артем вздохнул: – В общем так. Немец утверждает, что они вышли в атаку на американский транспорт, но неожиданно появился эсминец. Их лодка не успела погрузиться, и глубинные бомбы накрыли ее на малой глубине. Он успел надеть жилет, и его выбросило на поверхность вместе с воздушным пузырем. Что стало с остальными членами экипажа, он не знает. Видел, как поднялись винты и лодка камнем ушла под воду. Дальше он ничего не помнит, потому что его оглушило.

Тут уже не выдержал замполит:

– Так он что, считает, что он еще тот немец? Он думает, что перелетел к нам оттуда, из тех времен? Говорю же вам, давайте ему зубы выбьем. Вы что, не видите, что он над нами издевается!

– Да погоди ты! – оборвал его командир. – Док, расспроси, как называлась лодка? Как имя командира? Где их база? Сумасшедшие обычно путаются в мелочах.

Выслушав ответ немца, Артем неопределенно пожал плечами:

– Самое интересное, товарищ командир, что он совершенно не путается. Из базы в Бресте их подводная лодка U-84 вышла неделю назад. Командира зовут Хорст Упхофф. Он даже готов перечислить по именам весь экипаж. Поверьте, я все перевожу правильно. Но ему здорово досталось. Типичный бред воспаленного мозга. Переохлаждение и все такое прочее. Думаю, я за ним присмотрю, отоспится, отдохнет и придет в себя. Надо всего лишь подождать.

– Вот и я говорю! – вмешался Сан Саныч. – Нас здесь целая сотня. А одновременно в одном месте сто идиотов находиться не могут. Значит, идиот он.

– Ты же сам видел горящий корабль!

– Да мало ли что там горело! Я же говорил – кино снимали. А этот заигрался так, что до сих пор из роли выйти не может. Надо связаться со штабом и скинуть гостя на какой-нибудь сухогруз. Пусть нашим в штабе рассказывает, кого он там торпедировал!

– В общем, все ясно. Пока восстановим связь, у тебя, док, время есть. Постарайся привести его в норму. А то еще скажут, что это мы его таким сделали.

Оставшись наедине с немцем, Артем подмигнул ему и процитировал фразу из популярного фильма:

– Не волнуйтесь, мы вас вылечим. Алкоголики – наш профиль.

Затем ему в голову пришла еще одна мысль, и он расцвел, как майская роза.

– Послушай, Отто! Ты же немец. Я знаю, у вас все в Германии на металле помешаны. Давай я тебе поставлю пару тем в лечебных целях.

Артем достал из кармана телефон и, порывшись в меню, вставил в уши Витману наушники. Немец, сглотнув в горле ком и выпучив глаза, жалобно смотрел на доктора. Наконец, не выдержав, он схватился руками за уши и, вскрикнув, сдернул болтающийся шнур.

– Ты так дергаешься, будто я тебя пытаю, – обиженно произнес Артем. – Это же Удо Диркшнайдер! Им вся Германия гордится. Какой-то ты неправильный немец. Досталось тебе, наверное, действительно не слабо. Что-то напутали ваши пиротехники. Но ничего, очухаешься, и мы с тобой вместе еще послушаем. У меня много чего есть интересного.

Дмитрий Николаевич снова уселся в командирское кресло. Блоки приборов на центральном посту монотонно жужжали, навевая спокойствие и уверенность. Рабочая обстановка быстро привела его в чувство и разогнала появившуюся было растерянность. Они уже обогнули Ирландию, и теперь до района дежурства осталось чуть больше суток. Где-то на десятом градусе западной долготы требовалось перехватить американскую авианосную группировку и следить за проходящими учениями, проследовав вместе с ней в Бискайский залив. Все ясно и понятно. Но не давали успокоиться несколько «но». Во-первых, до сих пор не было связи. Он несколько раз приказывал всплывать под перископ, чтобы БЧ-4 смогла отправить донесения домой. Но ответа не поступало ни в каком из диапазонов.

Во-вторых, из головы не выходили горящий корабль и взрывы над лодкой. Трудно было представить, что кто-то мог наделать столько шума ради съемок, пусть даже очень дорогого фильма. Насколько он знал, сейчас это все делается с помощью компьютерных эффектов. И, в-третьих, попавший к ним на борт немец напрочь отказывался признавать себя актером и продолжал настаивать, что он офицер-подводник фашистской Германии.

Задуматься было над чем.

– Что, командир, не весел? – примостился в соседнем кресле Сан Саныч. – Я вот тоже все думаю: какой-то странный у меня дембельский поход получается. Это, наверное, чтобы было что на пенсии вспомнить.

– Да, неправильно как-то все выходит, – согласился Дмитрий Николаевич. – У тебя хотя бы раз за всю службу было, чтобы с берегом не смогли связаться?

– Не припомню.

– Вот и у меня не было. Грешным делом, даже мысль мелькнула: может, война началась, а мы и не в курсе? Передающий центр разбомбили, а мы все связи ждем?

– Ого! Как тебя, командир, прихватило. Знаешь, что давай сделаем? Как антенну поднимем для очередной радиогаммы, пусть радисты на длинных волнах попробуют поймать «Маяк» или «Юность». Сам убедишься, что все как обычно, да и мне для политинформации пригодится.

Их разговор прервал вызов с поста гидроакустиков:

– Наблюдаем одиночную цель! Предположительно, боевой корабль. Следует на восток, сближающимся курсом.

– Дальность?

– Сто пятьдесят кабельтов, товарищ командир! – по голосу узнал командира Максим.

– Любопытно, любопытно, – бубнил себе под нос Дмитрий Николаевич. – Да что тут голову ломать? Возьмем и посмотрим! – и, развернувшись к боцману, скомандовал: – Давай на перископную!

– Опасно. Вдруг засветимся? – с сомнением произнес Сан Саныч.

– Ничего. Мы аккуратно. Интуиция мне подсказывает, что посмотреть надо. БЧ-7, постоянно давайте параметры цели!

– Курс 70 градусов. Скорость 25 узлов. Через 30 минут наши курсы пересекутся.

– Очень любопытно, – шептал Дмитрий Николаевич. Глядя, как стремительно уменьшается глубина погружения, он переместился ближе к перископу.

В глаза ударило усиленное стеклами призм солнце. Сделав контрольный круг, командир убедился, что горизонт чист, и развернул тубус в направлении ожидаемого появления корабля. Не прошло и пяти минут, как над волнами появился тонкий штрих от поднимающегося в небо столба дыма.

– Интересно, кто ты у нас такой? – рассуждал сам с собой Дмитрий Николаевич, перестраивая оптику на максимальное увеличение.

Через минуту уже были различимы низкие борта, мощная надстройка и надсадно чадящая труба. Корабль стремительно приближался. Теперь уже можно было рассмотреть в носу и корме круглые башни орудий. Контур корабля пока никого не напоминали, и командир собирался обратиться к справочнику-определителю, но вначале хотелось увидеть флаг.

Еще через несколько минут показалось трепещущее на ветру полотнище, но опять мешало солнце. Пока Дмитрий Николаевич возился с фильтрами, корабль подошел еще ближе. Теперь флаг был виден во всей красе! Красный, с черным кругом в центре и расходящимися на четыре стороны прямыми линиями.

– Что-то я не припомню, у кого же это такое интересное знамя? – озадаченно прошептал командир.

Затем он перевел взгляд на корму, и его лицо вытянулось, не вмещаясь в тубус. Громко икнув, Дмитрий Николаевич протер глаза и еще раз припал к окулярам, вращая ручки резкости. На кормовом флагштоке развевалось белое полотнище с жирной свастикой в центре. И ошибиться здесь было невозможно.

Еще окончательно не придя в себя, он крикнул неожиданно осипшим голосом:

– Быстро сюда нашего немца! – и, на секунду задумавшись, добавил: – И доктора в придачу!

Отто Витман в изумлении озирался. Просторный центральный пост его потряс. Как профессиональный подводник, он понимал, что такого просто не может быть! Но командир, однако, не дал ему времени на созерцание и, беспардонно схватив за ворот, ткнул лицом в тубус перископа.

– Док, спроси, ему знаком этот корабль?

Обрадованный Отто часто закивал головой.

– Да! – еле успевал переводить его Артем. – Он говорит, что это эсминец с их базы Z-25. Он хорошо знает командира, капитана второго ранга Гейнца Петерса. Еще он говорит, что это очень опасный для подводных лодок корабль, и нам следует быть с ним поосторожней. На этом типе эсминцев устанавливают самые совершенные поисковые станции.

– Доктор, спроси, какая сейчас, он считает, дата?

Выслушав ответ, Артем не нашелся, что сказать командиру. Или отстаивать право душевнобольных молоть всяческий вздор, или передать так, как услышал.

– Товарищ командир, немец утверждает, что в море они вышли 20 мая 1942 года!

– Вот так кино, – прошептал командир.

– Не верю! – категорично заявил Сан Саныч. – Здесь что-то не так! Ну ведь не может этого быть!

Дмитрий Николаевич отстранил от перископа немца и поманил пальцем замполита:

– А ты сам посмотри и объясни нам: может это быть или не может? Или мы все-таки свихнувшаяся сотня идиотов, а он один нормальный?

Сан Саныч припал к перископу и озадаченно проговорил:

– Бред какой-то.

– Может, для верности всплыть? Чтобы этот бред влепил по нам из всех орудий?

– Командир, ну это же смешно! Ты хочешь сказать, что мы в сорок втором году?

– Я ничего не хочу сказать. Но хотелось бы здравых объяснений. Штурман! Давай курсом за ним. Посмотрим, что дальше будет.

Отпустив эсминец на безопасную дистанцию, лодка на полном ходу пустилась следом. Сначала осторожничая, опасаясь издаваемого высокими оборотами винта шума, командир периодически поднимал перископ и наблюдал за поведением эсминца. Однозначно, их не видели и не слышали. Тогда он рискнул немного сократить расстояние, справедливо решив, что корабли – охотники за подводными лодками хорошо слышат только в переднем секторе, и то – когда не режут собственные двигатели. Не меняя курс, эсминец уже полчаса шел, не сбавляя скорость, когда вдруг акустики обнаружили еще один военный корабль. Появившись на пределе досягаемости, он приближался, оставляя жирный след на экране наблюдения. Где-то впереди их с эминцем курсы должны были пересечься. Дмитрий Николаевич увлеченно наблюдал за сближающимися точками. Интуиция подсказывала, что скоро они станут свидетелями очень интересных событий. От волнения у него даже вспотели ладони. Он уже не обращал внимания на набившуюся в центральный пост добрую треть экипажа, тех, кому по штатному расписанию находиться здесь было не положено. В воздухе повисло напряжение. От неожиданности все вздрогнули, когда динамик внутрикорабельной связи вдруг ожил и прогремел доклад акустиков:

– Наблюдаем третью цель! Тихоходная, предположительно транспорт!

Напряжение нарастало. Командир посмотрел на экран и обнаружил, что появившаяся новая отметка находится точно на пересечении курсов боевых кораблей.

– Интересно девки пляшут, – задумчиво пробормотал он и метнулся к тубусу перископа.

Впереди, растянув над водой длинный шлейф дыма и разгоняя буруны волн, по-прежнему не сбавляя ход, бежал эсминец с развевающейся на корме свастикой. Скоро уже должны были показаться и другие корабли. Дмитрий Николаевич, напрягая зрение, прошелся взглядом по горизонту и будто споткнулся о появившуюся вдалеке черную точку. Прикинув положение относительно эсминца, он догадался, что это и есть обнаруженный транспорт. На эминце, вероятно, тоже увидели появившийся на горизонте дым и прибавили скорость. Корма скрылась в повалившем из трубы черном потоке гари, и эсминец начал удаляться. Гнаться за ним Дмитрий Николаевич не стал, хотя реактор мог обеспечить еще значительный процент оборотов. Очевидно, что развязка уже была рядом, и наблюдать за ней следовало со стороны. Вдруг от эсминца оторвался белый шар дыма и, исчезая, растворился в потоке набегающего ветра.

Через несколько секунд дым повторился. Он успел повториться еще несколько раз, прежде чем командир догадался, что появляется он из ствола вращающейся в носу башни. Приближаясь к транспорту, эсминец непрерывно вел огонь из носового орудия. Дмитрий Николаевич поочередно переводил глаз перископа то на приближающийся транспорт вдалеке, то на плюющийся белыми хлопками эсминец. Пока на обстреливаемом корабле никаких результатов стрельбы видно не было. По докладам акустиков, он даже прибавил ходу до девяти узлов и менял курс, петляя, смещаясь на север к берегам Ирландии. Взглянув на горизонт правее, командир заметил и третий корабль. Обозначив себя пока лишь столбом дыма, он шел наперерез пытающемуся убежать транспорту. Еще через пять минут стал понятен итог этого преследования. Обреченное судно начало замедлять ход. Над палубой потянулись вверх языки пламени, черный дым встал, как выросший из моря гигантский гриб. Теперь два эсминца, подойдя на убойную дистанцию и взяв транспорт в клещи, безжалостно добивали его из всех орудий, как волки, загнавшие в угол беспомощную овцу. Вдоль бортов появились сброшенные на волны шлюпки.

Командир обернулся, ища глазами спрятавшегося за спинами немца.

– Доктор, пусть он еще раз посмотрит. Хочу услышать комментарии.

Повиснув на тубусе и вращаясь всем телом с рефлексам профессионального подводника, Отто начал рассказывать, обращаясь к доктору:

– Второй эсминец тоже наш. Но кто именно – не вижу, далеко. Очевидно, на корабль, рискнувший идти в одиночку, их навел самолет-разведчик. Транспорт английский, типа «Эмпайр», водоизмещение семь тысяч тонн. Такому одних пушек мало, думаю, сейчас его добьют торпедой.

Замолчав на минуту, Отто внимательно что-то рассматривал, затем добавил:

– Вижу британские «харрикейны». Командир, вам бы лучше уйти на глубину. С воздуха вас легко заметят и обстреляют.

– Как ты интересно рассказываешь, – Дмитрий Николаевич отстранил в сторону немца. – Дай и я погляжу.

Теперь пушки на эсминцах молчали. Красными огоньками вспыхивали еле заметные стволы зениток. В небе действительно металось несколько темных точек. Вдруг над транспортом встал гигантский султан воды, смешанный с дымом и обломками корабля. Эхо далекого взрыва докатилось до лодки и отразилось легким толчком.

– Все! Спектакль окончен. Глубина сто метров! – скомандовал командир.

Он посмотрел на растерянную физиономию Сан Саныча и сказал:

– Вот так-то, замполит. Теперь думай, что народу скажешь.

– А почему я?

– А кто у нас инженер человеческих душ? А вот я страшно как хочу поговорить с одной очень умной головой. Мне кажется, я знаю, кому мы всем этим обязаны.

– Профессор! – догадавшись, злобно прошипел Сан Саныч. – Ох, как у меня чешутся кулаки с ним поговорить по душам!

– Не возражаю. Даже не против принять участие. Но сначала – вот именно что поговорить, – командир устало посмотрел на застывшие лица окружающих и добавил: – Ну что вы на меня смотрите? Разберемся, все всем расскажем. Сейчас займите свои места по боевому расписанию! Замполит, а ты задержишься на минутку.

Дождавшись, когда они остались одни, командир спросил:

– Сан Саныч, что ты знаешь о войне?

Замполит задумался, силясь вспомнить хоть что-нибудь из фильмов и книжек. Затем начал неуверенно перечислять:

– Про Сталинград знаю, про блокаду питерскую слышал, про Штирлица видел. А! Вот еще! Я про вой ну на Севере занятие с матросами проводил.

– Негусто. То-то и оно, что мы войну только по фильмам и знаем. Да считаем, что если она и была, так только под Прохоровкой да под Москвой. А ведь она еще и в Атлантике была, в Средиземном море и Африке. Ты, Сан Саныч, среди экипажа порасспрашивай. Вдруг кто грамотный в истории войны найдется. Нам сейчас ох как уроки истории пригодились бы, любая информация важна. Мы ведь ничего о своих людях толком не знаем. Только и можем, что карточки с выговорами заполнять. А то, что доктор на немецком говорит не хуже, чем на русском – этого никто не знал. Так что давай, Сан Саныч, окупись в историю и нас просветишь.

– Командир, мысль одна появилась! У нас ведь здоровенная подшивка газет «На страже Заполярья» есть. Там часто статьи про войну проскакивали.

– Вот-вот, займись. А мы пока с нашим ученым профессором обсудим, как нам обратно вернуться. Да поскорее, пока мы от кого-нибудь пробоину не схлопотали. Здесь, я смотрю, не слишком церемонятся ни те, ни другие.

Глава шестая

Всеслышащее ухо гестапо

Служебный день штурмбаннфюрера СС Курта Гайслера начался с вызова к шефу – начальнику отдела «А» четвертого департамента Главного управления имперской безопасности, оберштурмбаннфюреру СС Фридриху Панцингеру. Патрон был не в духе и постоянно курил, набивая до краев хрустальную пепельницу.

– Курт, я виню не тебя одного! Есть доля и моей вины. Но, в конце концов, подотделом контрразведки ведаешь ты! Только что я имел очень неприятный разговор с бригадефюрером СС Генрихом Мюллером. Начальник гестапо весьма недоволен нашей работой, и он прав! Такие известия должны сообщать ему мы, а не он нам.

Курт Гайслер, стоя навтыяжку перед дубовым столом шефа, лихорадочно перебирал в голове события последних дней, еще не совсем понимая, к чему клонит начальник.

– Представь ситуацию, Курт, что на совещании у фюрера моряки вдруг вывалят добытую ими информацию о неизвестном корабле противника, шныряющем под самым нашим носом. Обрати внимание – морская разведка, а не мы! Мне нетрудно вообразить реакцию рейхсфюрера СС Гиммлера. А ведь это наше управление называется – «Исследование и борьба с противником»!

– Оберштурмбаннфюрер, я не совсем понимаю... – решился возразить Гайслер.

– То-то и плохо, что слух о неизвестной американской подводной лодке для тебя новость. Впрочем, и для меня тоже. Я хочу, Курт, чтобы ты, не медля, занялся этим вопросом. По каким-то каналам к бригадефюреру СС Мюллеру просочилась информация, что адмирал Дениц ведет собственную игру, пытаясь разыграть карту с загадочной подлодкой. Если ему это удастся, то для абвера и гестапо это будет очень неприятной пилюлей и поставит их в весьма щекотливое положение в глазах фюрера. Сейчас же отправляйся в Брест и на месте разберись – где правда, а где слухи. Доклад адмиралу Деницу пришел оттуда. Наверняка что-то знает командующий первой флотилией Винтер. Но моряки на сотрудничество с тобой не пойдут. Так что действуй скрытно, но и не затягивай. Через два дня бригадефюрер СС Мюллер ждет от меня первый доклад. В общем, не мне тебя учить, Курт. С транспортом я помогу.

«Опять этот Брест! – размышлял Гайслер, шагая по длинному коридору рейхсканцелярии. – Почему те места, которые ему очень неприятны, притягивают его снова и снова?»

Свое первое серьезное назначение в гестапо он получил после оккупации Франции Германией, возглавив полицейский участок в Бресте. Но вместо того, чтобы с благодарностью, как водится, вспоминать место, откуда пошла в гору его карьера, Гайслеру хотелось бы вычеркнуть этот город из памяти как полный дурных напоминаний.

Штурмбаннфюрер СС Курт Гайслер спустился с длинной лестницы рейхсканцелярии и замер на последней ступеньке, дожидаясь, когда водитель подкатит автомобиль и распахнет перед ним дверь. Вечером этого дня он уже спускался по трапу транспортного Ю-52, приземлившегося на травяном аэродроме в окрестностях Бреста.

Добравшись к знакомому зданию полицейского управления, нового начальника шарфюрера СС Лотара Мольтке он застал еще на месте.

– Сколько у вас есть людей, Лотар? – сразу взял быка за рога Курт. – Меня не интересуют бродящие по улицам для запугивания французов патрули. Мне нужно знать, сколько у вас доверенных агентов среди моряков? Как вы ведете работу по выявлению неблагонадежных в рядах нашего флота? Так сколько, Лотар?

– Есть регулярно передающие нам информацию, но, к сожалению, их не так много, как хотелось бы. Есть изредка доносящие на соседа из-за обиды или жадности. Мы пытаемся внедрять своих людей в экипажи кораблей и лодок, хотя, как правило, их там быстро разоблачают. Но я постоянно работаю в этом направлении, господин штурмбаннфюрер! Нас не очень жалуют среди моряков. Работать все сложнее и сложнее, – пытался оправдываться Мольтке.

– Не краснейте, шарфюрер. Я прекрасно знаю, как непросто управляться с этими хамами в бескозырках. Я здесь не для того, чтобы проверять, как вы работаете. Сколько ваших агентов есть в окружении корветтен-капитана Вернера Винтера?

– Командующий пользуется уважением и сам подбирает себе окружение. А потому извините, но близких к нему агентов у меня нет. Я вам уже говорил, что из-за повсеместной безнаказанности на флоте прихватить моряков на каком-нибудь проступке практически невозможно. И запугать их нечем, сами знаете – жизнь у них короткая.

– Знаю, – недовольно проворчал Гайслер.

Штурмбаннфюрер СС Курт Гайслер знал, о чем говорил.

...Два года назад здесь, в Бресте, произошел с ним очень неприятный инцидент. Тогда, как и сейчас, моряки-подводники были герои! Не было газеты, которая захлеб не рассказывала бы об их подвигах. На целые передовицы печатались таблицы с потопленным тоннажем и количеством кораблей, отправленных на дно. Фотографии командиров лодок мелькали везде, где только возможно. Цветы – при отправлении в поход, цветы – при встрече! Из окон борделей дни и ночи слышались песни, прославляющие подводников. Девушки толпами ожидали увольнений матросов на берег, мечтая закрутить роман с героем.

Курт, как начальник местного гестапо, снисходительно смотрел на их выходки. Но всему есть предел! И однажды его терпение лопнуло. Все началось после того, как любимчик флотилии Тедди Зурен, командир U-564, при входе в порт после длительного плавания, перегнувшись через поручни рубки, громко выкрикнул: «А что, нацисты все еще у власти?». Получив утвердительный ответ, Тедди внезапно дал полный назад, пятясь от причала, к великому изумлению встречающих. Курт отреагировал мгновенно. Вначале он хотел арестовать зарвавшегося Зурена. Но тут возникли проблемы.

Моряки были готовы с оружием в руках защищать командира. А поддержки у командования базы он тоже найти не смог. Тогда Курт начал писать доклады наверх во все инстанции. Он обрывал провода телефонов, с возмущением рассказывая своему начальству о выходках подводников. Даже добился аудиенции у всемогущего шефа гестапо Генриха Мюллера. Вскоре он узнал итог собственных стараний. На одном из совещаний у фюрера группенфюрер СС Эрнст Кальтенбруннер поднял вопрос о моральном разложении в среде подводников и привел в пример поступок командира U-564. Но стоило ему закончить говорить, как тут же взял слово адмирал Карл Дениц. Не дав никому высказать собственное мнение, он решительно заявил:

– За то, что делают мои волки для Германии, я готов простить им все, даже если они устроят себе нужник в моем кабинете! Не судите их строго, господа! Они всего лишь выпускают пар.

Фюрер улыбнулся, и никто больше не посмел говорить на эту тему.

Но теперь наступили не лучшие времена для Курта Гайслера. Сначала матросы измазали дерьмом дверь его дома. Затем выбили стекла в его машине, вынудив Курта выходить только под охраной автоматчиков. А появиться на территории базы для него стало равносильно самоубийству. После того как в его кабинете зазвучали по телефону угрозы, не желавшее обострять отношения с моряками начальство перевело штурмбаннфюрера в Берлин, подыскав должность в рейхсканцелярии. С тех пор подводников он возненавидел.

– Не обязательно иметь агента в штабе, – стряхнув мрачные воспоминания, произнес Курт. – Завербуйте прислугу, садовника или кухарку, наконец! Что вообще известно об этом Винтере?

– Ничего особенного. Бывший командир подлодки, а потому ведет себя, как и другие, ему подобные. Жена, кажется, из каких-то баронесс. Есть дочь, чем-то больна неизлечимым. При ней всегда находится доктор.

– Вот! То, что нам нужно! Доктор! Наверняка – еврей. Возьмите в разработку. Запугайте, купите, но заставьте работать на нас.

Почувствовав охотничий азарт, Гайслер, потирая руки, возбужденно вскочил из-за стола. Времени мало, а потому действовать нужно быстро, но осторожно.

– Возьмите на прослушку телефоны Винтера.

– С внутренними телефонами проблем не будет, но у командующего есть закрытые линии связи с адмиралом Деницем и штабом флота.

– Нет, эти не трогайте. Опасно. Флотские связисты быстро разоблачат внедрение. Не оберешься потом криков.

Курт подошел к окну. Знакомый пейзаж. Вдалеке синее море. От берега вверх тянутся холмы с зелеными виноградниками и прилепившимися белыми домиками.

– Взгляните, Лотар. В свое время вон там, наверху, я усаживал наблюдателя с биноклем и знал все, что творится внутри базы. Воспользуйтесь моим опытом. Но главное, что меня интересует, – это разговоры, слухи, намеки о необычной подводной лодке американцев. Подводники, они ведь молчат об этом. А в борделе, когда они превращаются в стадо перепившихся баранов, можно услышать много чего интересного. В каждой заваливающей пивнухе должно быть ваше ухо. Возле каждого пьяного матроса должен находиться ваш человек, направляющий его хмельной лепет в нужное русло. Но главная цель – это командующий Вернер Винтер. Соберите мне о нем самую полную информацию. У вас есть его фотография?

– Да. Где-то была газетная вырезка.

– Вырезка из газеты?! Да вы с ума сошли! На каждого офицера этой базы у вас должно быть досье! Каждое неосторожное слово у вас должно быть на

карандаше! Запомните, Лотар, я в свои молодые годы стал начальником контрразведки четвертого отдела только благодаря тому, что сплю в сутки всего четыре часа, а двадцать – работаю. Настройтесь и вы на бессонные ночи. Сначала мы должны знать все, что известно морякам. А затем мы обязаны их обойти при первой подвернувшейся возможности.

– Господин штурмбаннфюрер, потребуется время и средства.

– Средства будут, времени вам не обещаю. Потому что сам еще не знаю, чем мы располагаем.

– Полгода назад я отпустил потерявшего все документы старого венгра. Сейчас он работает в доме командующего, выполняя мелкие поручения фрау Винтер.

– Лотар! Вы начинаете мыслить! Лучшие агенты всегда получались из прислуги. К ним относятся как к мебели и даже при самых секретных разговорах не обращают внимания. Я думаю, мы с вами, шарфюрер, сработаемся. Если вы мне поможете, то и я в свою очередь обещаю замолвить за вас слово в Берлине.

Курт взглянул в лицо Мольтке, проверяя, как подействовало его обещание. Лотар залился лиловым румянцем, расплывшись в заискивающей улыбке.

«Это хорошо, – подумал Курт. – Наверняка тоже мечтает убраться из этой дыры. Теперь можно рассчитывать, что он будет выпрыгивать из штанов, чтобы только выслужиться передо мной. Хотя видно, что глуповат, но исполнительен. Если умело направлять, то от него действительно может быть какая-то польза».

– Вам ведь хочется вернуться в Германию? – спросил, проверяя себя, Курт.

– Да, господин штурмбаннфюрер! – с неподдельным энтузиазмом выкрикнул Мольтке. – Я ведь сам из Берлина! Если бы вы только знали, как мне надоели эти лягушатники!

– Знаю, Лотар, знаю.

– Помогите мне, господин штурмбаннфюрер! – дрогнувшим голосом произнес Мольтке. – И клянусь, я буду самым верным вашим помощником!

– Берлин прекрасный город. Из-за него стоит вывернуться наизнанку. Здесь вы рискуете быть подстреленным французскими партизанами или просидеть в этой дыре до пенсии, так и не сдвинувшись ни на шаг с места. А там у вас будут рост и перспектива. Сейчас у нас с вами общее дело, но от его результата ваше будущее зависит больше, чем мое.

Глава седьмая

Охота на охотников

Сан Саныч с удивлением смотрел на скопившуюся за несколько лет стопу газет. Он даже и представить не мог, что когда-то от них может быть хоть какой-то толк. Флотская газета «На страже Заполярья», среди всех слоев военных моряков именуемая не иначе как «На страже захоlustья», оказалась вдруг бесценным кладом информации. Вооружившись ножницами, Сан Саныч вырезал статьи, где хоть как-то упоминалось о Второй мировой войне. И хотя большая часть газетной писанины взалхлеб рассказывала о подвигах советских моряков в таком виде, что получалось, будто немцы, стоя в очереди, только и мечтали – когда же советский торпедный катер или лодка снизойдет до них и выпустит, наконец, по ним торпеду. Единственная польза от этих опусов заключалась в том, что можно было хотя бы узнать дату и сам факт события. Но встречались и серьезные исторические исследования. Чувствуя руку солидного историка, Сан Саныч с головой уходил в чтение повестей о растерзанных полярных конвоях, немецких подводных лодках, безнаказанно патрулировавших берега Баренцева моря, воздушных боях, щедро усыпавших своими жертвами весь Кольский полуостров. Увлечшись, он не замечал, как летело время. Наконец, вдоволь надышавшись газетной пылью и почувствовав, что уже ничего не соображает, Сан Саныч ощутил себя не меньше чем доцентом исторических наук и решил теперь проэкзаменовать экипаж на предмет знаний о войне. Общая картина не порадовала. Матросы с легкостью называли улицы гарнизона, но то, что они названы именами героев войны, для них стало откровением. А один из мичманов даже начал спорить, утверждая, что улица Видяева названа так потому, что с нее виден далекий полуостров Рыбачий, а о каком-то герое-подводнике он и слышать не слыхивал. Но даже в этой куче серости были исключения. Когда он поговорил с невысоким и тощеньким матросом по фамилии Рябинин, с оттопыренными ушами и нашивкой седьмой БЧ на груди, замполит почувствовал, что они объясняются на одном языке, но при этом Сан Санычу еще

читать и читать умных книг, чтобы сравниться с ним по знаниям. Прихватив с собой папку с вырезками и исторически подкованного матроса, замполит двинулся на центральный пост к командиру.

– Не помешаем? – осторожно спросил он, увидев командира, беседующего с профессором.

– Что у тебя? – недовольно спросил Дмитрий Николаевич.

– Да вот, хотел похвастаться проделанной работой, – Сан Саныч бросил на стол пухлую папку с газетными вырезками. – Так сказать – накропал! Не знаю только, зачем это нам? А вот еще наш самородок – матрос Рябинин. Давай, расскажи командиру, что ты мне рассказывал.

Замполит вытолкнул скромного матроса, больше похожего на хрупкого подростка, только что перешедшего в старший класс школы.

– У меня дед воевал, – смущенно начал Рябинин.

– Да? – без особого энтузиазма спросил командир. – Где?

– Он был матросом на танкере «Азербайджан» и в конвое PQ-17 шел из Исландии в Россию.

– Вот как? И что?

– В танкер попала торпеда, но экипаж сумел заделать пробоину и дойти до Архангельска, – уже смелее продолжил Рябинин. – Мой дед погиб тогда при взрыве. У нас дома есть альбом с его фотографиями. Папа даже встречался с теми из экипажа, кто еще жив и помнит деда. Он мне много рассказывал об этом конвое. Тогда из тридцати четырех кораблей лишь десять смогли дойти в Россию.

– Ну что ж, Рябинин, правильные у тебя родители, и ты молодец, что деда не забываешь.

Дмитрий Николаевич повернулся к профессору, собираясь продолжить прерванный разговор.

– Ты погоди, командир! – вмешался замполит. – Ты послушай, что он о немецком флоте знает. Не молчи, Рябинин. Повтори, что ты мне о подводных лодках рассказывал. Давай, давай!

– Немецкие лодки были лучшими за всю войну. Никто из других стран не смог превзойти их по качеству.

– Да? – поднял брови Дмитрий Николаевич, удивленный таким непатриотичным заявлением.

– Да, товарищ командир. Лодки седьмой и девятой серии без последствий могли погружаться на глубину до двухсот пятидесяти метров, а иногда проваливались и до трехсот и оставались целы.

А наши, да и английские, могли рассчитывать лишь на семьдесят метров.

– Как тебя зовут, Рябинин? – спросил командир.

– Александр.

– Ну что же, Саша. А об их вооружении что можешь рассказать?

– Соответствовало лодкам. В начале войны у торпед было много дефектов, но уже к сорок первому году с этим справились. Орудия калибром 88 и 105 миллиметров, благодаря отличной оптике, могли без промаха стрелять по кораблям на расстоянии до трех километров.

– Да, Саша, интересные вещи ты рассказываешь, и мы с тобой еще обязательно побеседуем. Если хорошо знаешь противника, то в бою это уже половина победы. Ты иди, а я еще тебя вызову.

Сан Саныч проводил Рябинина задумчивым взглядом и обратился к Дмитрию Николаевичу:

– Погоди, командир! С кем это ты воевать собрался?

– Всякое может случиться.

– А я все голову ломаю – зачем тебе все эти статейки о войне? Командир, это не наша война! Одно дело на учениях, за синих или за красных, и совсем другое, когда на голову настоящие бомбы посыпятся.

– Замполит, не изображай из себя овцу в волчьей шкуре. Здесь мы сила!

– Нет, командир. На любой лом найдется другой лом. А ты отвечаешь за сто жизней, и за мою в том числе.

– Успокойся, Сан Саныч. Хочешь не хочешь, но в стороне мы остаться не сможем. Ты еще не все знаешь. Расскажите, профессор.

– Товарищ командир прав. Как это ни невероятно, но я согласен с тем, что переброс во времени произошел в момент нахождения нашей лодки в возбужденном поле, сгенерированном разнесенными излучателями. Возможно, мы и смогли бы запустить обратный процесс, но для этого нужно специальное оборудование, а оно осталось в нашем времени.

– А как же те ящики?! Как же твой мальчик, профессор?! – давление ударило в голову Сан Санычу, и он прошипел: – Или казачок оказался засланным?

– Эти блоки – всего лишь десятая часть от всего комплекса, – ответил Михаил Иванович, виновато пожав плечами.

– Ах ты яйцеголовый старый маразматик! Ну, сейчас я тебе скорлупу помну!

Сжав кулаки, замполит бросился на профессора.

– Не блажи ты, как баба! – успел перехватить его командир. – Что случилось, то случилось. Теперь нужно думать – как выжить. Ты правильно сказал – за спиной у нас сотня жизней!

– Ах! Теперь мы уже выживаем! Еще минуту назад мы были силой, теперь мы уже выживаем. Быстро ты прозрел, командир. Так о какой войне ты говоришь?

– Об этой, Сан Саныч. Об этой. Раз уж так получилось, то было бы неправильно не помочь нашим.

– Кому «нашим»-то?

– Станный вопрос для замполита.

– Да очнитесь вы наконец! Все это было шестьдесят с лишним лет назад. Это все в прошлом. Все уже состоялось! И мы, кстати, победили. Так чего ж совать сюда свой нос, если и так все хорошо закончилось?

– Ты предлагаешь просто смотреть на это со стороны и ждать, когда все само рассосется?

– Командир, я тебя понимаю! Я психологию учил и знаю, что с тобой происходит. От всего этого у тебя идет кругом голова. Агрессия бьет через край. Потому у тебя и чешутся руки – повоевать. А нам сейчас важно спокойно все обдумать, отдышаться, осмотреться. Давай сейчас уйдем туда, где поспокойней, и все взвесим и обмозгуем. Где не будут сыпаться на голову бомбы. Можно к Африке, или еще куда подальше, где нет войны. Может, не все так и безнадежно. Нас ведь будут искать. Разберутся, что к чему, и вытащат назад, в свое время. Не могут же они вот так запросто выбросить сто человек?

– Могут. Сам знаешь, что мы для них стоим. Еще Жуков говорил: чего солдат жалеть, бабы еще нарожают. Так что думаю, по нам уже отпели панихиду с салютом и пламенными речами.

– Ладно, согласен. Кроме своих семей мы никому не нужны. Но лодка! Она-то потянет не меньше, чем на миллиард зеленых. Уж ее-то точно будут искать!

– Не уверен. Знаешь, как все произойдет? Наши верхи кинут клич любимым олигархам потрянуть кошельками, те в свою очередь продинамят один год своих любовниц с Куршавелем, и вот тебе новая лодка. Хотя, может, и этого не будет: решат, что хватит того, что осталось. А война? Так она сейчас везде. В норе не

отсидишься. И насчет агрессии ты не прав. Просто не хочу быть сторонним наблюдателем. Я еще с молодости предпочитал честно отгрести по физиономии, чем делать вид, что не вижу, как какие-нибудь ублюдки тащат в подъезд девчонку.

– Откуда вы только такие беретесь? – тяжело вздохнул замполит.

Он хотел сказать что-то еще, но вдруг ожил динамик внутрикорабельной связи и бодрый голос Максима Зайцева доложил:

– Впереди по курсу наблюдаем групповую цель. Идут на север вытянутой колонной. По шумам – транспорты. Есть еще посторонние шумы, но очень слабые. Не могу классифицировать.

Обрадовавшись возможности прекратить неприятный разговор, Дмитрий Николаевич скомандовал подъем на перископную глубину и прильнул к окулярам.

– Так... Кто у нас тут?

На горизонте едва различимой черной тучкой маячили дымы кораблей.

– Самое время пришпорить коней.

Он подмигнул главному механику и азартно добавил:

– Давай, Валентиныч, разомнем кости.

Подняв рубкой пенистый бурун, лодка метнулась вперед, как сорвавшийся с цепи пес. За кормой потянулся длинный след от соосных винтов, закручивающих воду в тугие узлы. Конвой они догнали быстро. Шесть груженных по самые борта судов под английскими флагами, чадя трубами и ворочая носами в противоположном зигзаге, шли растянутым строем, семафоря друг другу прожекторами. Между ними метался маленький кораблик с квадратной башней орудия в носу. И, очевидно, волноваться ему было от чего. С его кормы скатились темные точки, и через несколько секунд в небо взлетели два белых столба докатившихся вибрацией далеких взрывов. Командир развернул

перископ по кругу, но больше никого видно не было. Теперь охранявший конвой корабль перебежал на другую сторону и сбросил бомбы недалеко от транспортов.

Осматривая горизонт, Дмитрий Николаевич заметил, что далеко впереди из воды появился горбатый серый контур. Наведя резкость, он удивленно присвистнул. Оставляя за собой длинный белый след, параллельно с конвоем шла подводная лодка. На палубе появились фигурки спящих возле орудия людей.

– Самое время послушать специалиста, – Дмитрий Николаевич отстранился от перископа и добавил: – Давайте сюда нашего немца.

Отто смотрел долго. Выдавлив тубусом вокруг глаз красные круги, он, не отрываясь, наконец начал говорить:

– Работает стоя. Думаю, лодок пять – шесть. Конвой обречен. Корвет ничего не сможет изменить. Сейчас его отвлекает на себя всплывшая лодка. Вероятно, ей даже удастся его уничтожить. Сорокасемимиллиметровая пушка корвета – ничто в сравнении с орудием субмарины. Пока он будет с ней перестреливаться, другие спокойно займутся конвоем. Очень опрометчиво было со стороны англичан отправить корабли с таким слабым прикрытием. Хотя понятно, что это не от хорошей жизни – на всех эсминцев не хватает. И этот корвет, скорее всего, переделка из рыбацкого сейнера. Команда, наверное, тоже бывшие рыбаки. Поверьте мне, командир, у гуся перед рождеством больше шансов выжить, чем у этого конвоя – добраться до берегов Англии. Взгляните, как близко ложатся снаряды рядом с корветом, а он из-за дальности еще даже не может начать стрелять.

Дмитрий Николаевич перевел перископ на лодку. Немецкая субмарина на полном ходу, стараясь выдерживать безопасную дистанцию, вела огонь из орудия с десятисекундным интервалом. Перед рубкой то и дело вспыхивал желтый огонек залпа. Затем командир развернул окуляры в сторону корвета. Надрываясь из последних сил, маленький кораблик гнался за лодкой, пытаясь сократить расстояние. Его пушка в носу молчала. Зато вокруг него то слева, то справа поднимались водяные столбы от падающих снарядов. Без сомнения, немецкие артиллеристы пристрелялись и теперь взяли корвет в вилку, приближая разрывы все ближе к его бортам. Пожалуй, еще пять – шесть снарядов, и попадание неизбежно. А судя по размерам, одного из них для

корабля вполне будет достаточно. Но, несмотря на опасность, корвет и не думал сворачивать с пути. Его скорость была чуть выше, чем у лодки, и он с отчаянием обреченного продолжал ее преследовать, шаг за шагом сокращая дистанцию.

– Безумству храбрых поем мы песню, – пробормотал Дмитрий Николаевич.

Замполита бы сюда, – подумал он, наблюдая за бесстрашными англичанами. – Пусть бы посмотрел, что, в отличие от рекламы одеколona, означает фраза: настоящий мужской характер!

Внезапно шедший последним в колонне тяжелогруженный сухогруз исчез за выросшим облаком дыма. Он попал в поле зрения перископа, и Дмитрий Николаевич с первой секунды видел его гибель. Вся палуба судна была заставлена бочками с чем-то горючим, теперь они разлетались как новогодний фейерверк. Несколько мгновений, и корабль от носа до кормы охватило взлетевшее в небо на сотню метров пламя. Следующая картинка вызвала у командира чувство ужаса, пробежавшее по спине электрическим током. По палубе металась живые факелы. Объятые огнем люди прыгали за борт, как разлетающиеся из костра искры. Дмитрию Николаевичу даже показалось, что он лицом чувствует всепожирающий жар, огненным шаром прокатившийся над водой. От страшного зрелища его оторвал взволнованный крик командира седьмой БЧ. Обычно флегматичный, голос Максима прозвучал в динамике испуганно и нервно:

– Центральный! Наблюдаю шумы торпеды! Пеленг не меняется, идет к нам! Товарищ командир, я ее выделил, посмотрите на экран.

Дмитрий Николаевич бросился от перископа к индикатору отображения боевой обстановки. Отмеченная красным ромбом, слева на траверзе двигалась белая точка – по линии, пересекающейся с их курсом. Рядом прыгали цифры определенных бортовой машиной параметров: курсовой угол – двести семьдесят, скорость – сорок два узла, расчетное время встречи – восемьдесят пять секунд.

Не раздумывая, командир выкрикнул команду рулевому на изменение курса на девяносто градусов. Существовала опасность, что торпеда самонаводящаяся, и он уже хотел дать команду на запуск имитатора подводной лодки, но точка на экране никак не отреагировала на их маневр, и Дмитрий Николаевич отложил

микрофон в сторону.

– Мое терпение лопнуло! – хлопнул он со злостью по столу ладонью. – Ты наблюдаешь того, кто по нам отработал? – вызвал командир на связь Максима.

– Наблюдаю, товарищ командир!

– А захватить на сопровождение можешь?

– Уже взял.

Все же Дмитрий Николаевич прежде, чем решиться, еще немного подумал, посмотрел на пробежавшую перед ними точку торпеды, на удаляющийся маркер лодки противника, обвел взглядом лица моряков на центральном посту и с твердостью в голосе произнес, чтобы слышали все:

– Нельзя быть немножко беременным! Война так война!

Затем он вызвал на связь пост боевого применения и скомандовал:

– Первый торпедный аппарат перезарядить «Водопадом»!

Сейчас, пока автомат перезарядки заменит обычную торпеду на ракетно-торпеду «Водопад», еще оставалось немного времени. Командир вновь перешел к перископу. Старт реактивной торпеды, сколько бы раз он его ни наблюдал, всегда вызывал чувство изумления и восхищения. Внезапно вырывающийся из-под воды снаряд размерами с телеграфный столб, с длинным факелом огня позади и жутким ревом едва ли оставит кого-нибудь равнодушным. Немецкая субмарина уже удалилась на расстояние больше двух миль и, наверное, чувствовала себя в полной безопасности.

– Данные введены, параметры в норме! – прозвучал доклад командира БЧ-3. – Торпеда готова!

– Торпедой – пли! – без тени сомнения скомандовал Дмитрий Николаевич.

Море всколыхнулось. На поверхность вырвались белые шары дыма и, разбегаясь в стороны, превратились в гигантский бутон, напоминающий хризантему. Из центра цветка, будто одуревший от нектара шмель, вырвалась и, оставляя за собой огненный след, понеслась над водой темная сигара. За несколько секунд она преодолела расстояние до немецкой субмарины, огненный хвост отделился и, вращаясь, скрылся в волнах, оставив на поверхности клубы пара. Торпеда, уже без ракетного ускорителя, спускалась на парашюте на голову ничего не подозревавшей подводной лодке. Зеленый остроносый цилиндр нырнул, оставив на воде отделившийся красный шелковый круг, взвыли ожившие винты, и торпеда рванулась в поисках жертвы.

Через минуту взволнованный голос Максима доложил:

– Наблюдали взрыв, цель исчезла.

– Вот и все, – развел руками командир. – Как отобрать чупа-чупс у младенца.

Развернув перископ на конвой, он посмотрел, что произошло за время, пока они возились с немецкой лодкой. Торпедированный транспорт уже лежал на боку, разливая вокруг себя горящее топливо. Идущее впереди судно остановилось, и теперь, спустив шлюпки, экипаж пытался спасти редких счастливиц, оставшихся в живых в бушующем пламени.

Смело, – подумал Дмитрий Николаевич. – Застопоривший ход корабль – это идеальная цель, по которой промахнуться невозможно.

Он глянул в сторону увлеченного погоней корвета. Отважный кораблик все еще был цел. Он все так же бежал, не сбавляя скорости, но теперь по нему никто не стрелял. Командир развернулся в сторону лодки и еще успел заметить исчезающую под водой рубку. У него мелькнула мысль, что они тому причина. Волчья стая почувствовала рядом льва и теперь шарахнулась в кусты, опасаясь оказаться на пути царя зверей.

Понаблюдав еще с полчаса за конвоем и удостоверившись, что теперь ему ничего не грозит, «Дмитрий Новгородский», приняв балласт, нырнул на глубину, чтобы в спокойной обстановке подвести итоги первого боевого дня.

– А ведь мы чуть не попались, – назидательно поднял вверх палец командир. – А почему? А потому, что толком не знаем своего противника. Ревели винтами, как корова на лугу, а немцы тоже неплохо слушать умеют. И ведь как точно торпеду выпустили! Считай, с двух километров, а не увернись – аккурат между глаз бы получили. Так что мы сейчас соберем все что можно по немецким кораблям и лодкам и сделаем памятки. И чтобы у всех как от зубов отскакивало! Хоть днем, хоть ночью! Сам проверять буду. Попробуем что-нибудь из нашего немца выжать. Но сначала, чтобы он мне не навешал на уши чего не надо, я хочу поговорить с матросом Рябининым.

Саша Рябинин появился перед командиром, потупив взгляд и стараясь все время держаться левым боком. Нижняя губа распухла и почернела от запекшейся крови. Командир с удивлением следил за его неуклюжим верчением, а затем его осенила догадка.

– Кто!? – заревел он, как взбесившийся саблезубый тигр.

Вылетев из своего кресла, Дмитрий Николаевич рывком развернул Рябинина к себе правой стороной. Под правым глазом матроса тянулась длинная ссадина, плавно переходящая в лиловый синяк. Ухо раздулось и светилось всеми оттенками красного цвета.

– Я спрашиваю – кто!?

Командир задрал на матросе тельняшку и, увидев на теле свежие синяки, злобно захрипел:

– Кто?

Но Рябинин, шмыгая носом, упорно молчал.

– Ты сам, командир, виноват, – подал голос появившийся Сан Саныч. – Ты его приблизил, по имени называл. А в кубрике такое не прощают. Он матрос молодой, и, по их понятиям, он – без вины виноватый. Ну, а уж если вина найдется...

Дмитрий Николаевич прочитал на куртке Рябина номер боевой части и, схватив «банан», свирепо выдохнул:

– Личному составу БЧ-7 срочное построение в центральном посту! Прибывшего последним я сам раздери на лоскуты!

В глубине лодки слышался нарастающий топот несущихся со всех ног матросов.

– Замполит, кто у акустиков верховодит?

– Да кто... Пахомов там погоду творит.

Из люка в центральный пост начали вылетать полуодетые матросы и, недоуменно переглядываясь, выстраиваться в полукруг, прижимаясь к стенкам переборок.

Дмитрий Николаевич оглядел их тяжелым взглядом и, набрав полную грудь воздуха, ледяным голосом произнес:

– Какому неандертальцу еще не понятно, что мы на войне? Кому еще рассказать, что сегодня мы чуть не получили в борт торпеду? Пусть выйдет вперед тот бабуин, который еще не понял, что происходит вокруг и где мы сейчас находимся. Нет таких? А я так думаю, что есть! Правильно, Пахомов?

– А я что?! – встрепенулся Славик Пахомов, пряча за спину сбитые кулаки. – Я все понимаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zaspa_petr/torpedoy-pli

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)